

Ориентир

Смысл этих слов я понял не сразу, а лишь когда Энджи осторожно прикусила нижнюю губу. Дёрнув за цепочку светильника, погрузив комнату во мрак, бледно-синяя, из-за тусклого свечения уличной рекламы, Энджи облизалась (если она так делала, значит, обдумывала что-то всерьёз). Она устала. Ослабла.

– Сегодня опять будем фасовать порошок, – шмыгнув носом, недовольно проговорила она. Где Энджи успела простудиться, она ведь – сколько знаю – постоянно трудилась под крышей, в тепле. Видно, не договаривала, и я это чувствовал. Чувствовал, и не мог возразить. А чем? Слабыми руками измождённого пятнадцатилетнего парня? Это ИМ я сказал, что мне уже восемнадцать... И зачем возражать? Чтобы наказали: лишили жалования, не накормили, отдали «напрокат» какому-нибудь старику-извращенцу или старухе-калеке?

– Ладно, – согласился я, вздохнув. Уставившись в потолок, некоторое время лежал тихо.

– Крепись, – пробормотала Энджи, как будто засыпая. – У меня есть план... А ты знал, на что шёл, поэтому не хнычь. Вряд ли и здесь будем принадлежать себе. У них всё схвачено. Но это лучшее, поверь, чем было бы там...

Раздражала меня глухая болтовня Энджи сквозь заложенный нос, порой доводила до иступления.

В Евротуннель под Ла-Маншем (Франция – Англия, шёл 1997 год) я попал по её вине... Это вроде был единственный способ прекратить скитания по улицам и притонам нищих. По крайней мере, так убеждала Энджи. Только сейчас я понимаю со всей горестью: она понукала мной, как хотела. Это наглый и самоуверенный тип женщин-мужланок, я в них не разобрался. И вот, благодаря Энджи, мы стали «куклами», которых подкидывали кому попало.

– Где сейчас этот «дядя»? – сглотнул я, пошевелившись на матрасе. В сердце водворилась дикая, съедающая душевные силы, тоска. Оно колотилось от гнева и пережитых волнений. Отвращение к людям, обманувшим мои надежды, и мысль о грядущей череде дней, кои предстояло провести в беспросветном унынии, – вызывали истошную боль. – Ужасные люди, лгуны, пусть горят в аду! Завтра же убегу... всех зарезу на пути. Я припрятал ножик... – слёзы наворачивались от обиды.

– Замолчи ты! – бросила Энджи, повернувшись на бок. Гневно сверкнули её глаза. – Моли бога, чтобы никто не стоял за дверью. Если бы не «дядя», мы бы прозябали среди больных и сами бы сгнили там. Тут хоть чисто и тихо, сами готовим еду.

– Что не спите, милочки? – прошептала Марра, вздохнув.

Проснулась... шлюха. «Кукла». За деньги она могла сделать что угодно, хоть продать душу на половую тряпку. Такой, мутно-офранцузившейся и невнятно-русской, как Марра, душа ни к чему.

– Энджи, э-э, «бунтаря» осади! Нам тёплую одежду дали, есть пристанище.

Я замер, предчувствуя...

– Напомню ему, как себя вести... – откинув покрывало, процедила Энджи. – Малколм говорил, чтобы обо всём докладывали ему. Тогда он подумает, как помочь и выбрать из худшего лучшее... Но мы больше не увидим этого человека.

Женщина с большой грудью встала и хрустнула пальцами. Свет неоновой лампы из окна очерчивал её крупную и высокую фигуру. Поднялась и Марра, присев на матрасе. Она пристально следила за Энджи. «Мужланка» наступила на мой матрас.

– Из-за тебя огребём, – выдавила она. – Ты нас чуть не подвёл своим языком, лучше бы оставила тебя у Крама, заменил бы его «карлика-флейтиста». По-другому бы пел...

– И не говори, – заметила Марра сухо, прислушиваясь к звукам за дверью.

Если бы не было тварючки Марры, то Энджи наказала бы меня так, как она обычно делала со мной – делала, что хотела.

Скинула бы моё одеяло, хлопнула бы ладонью по груди или перевернула бы меня на живот... и хлопнула по костлявой заднице.

Но сейчас этого не произошло, потому что я успокоился сам.

Этот жестокий «закон выживания» превращает людей в существ, повинующихся инстинкту. Превращает их в рабов, лишённых здравого смысла, готовых растерзать себе подобного даже за мысли вслух...

Жизнь ради выживания сделала этих людей выродками – воплощениями мерзкого и грязного, подчиняющимися невесть кому или чему. Ещё в приюте Святого Мартина я начал понимать это, имея дело с подонками – «оторвышами», изгоями, шутами... Их можно как угодно называть. Это были не местные нищие, апаши, а иммигранты – «контуженные по жизни» жертвы войны в Югославии, а потом и «арабской весны». Среди них оказывались такие, кто подолгу ждал вид на жительство, не желая никуда перебираться из временно приютившей их страны, люди с тёмным прошлым и призрачным настоящим.

С одним из таких выродков, женщиной по имени Энджи, я связал свою жизнь – связал невольно, бесповоротно... А куда было деваться мне, которому много лет пришлось выживать на улице, хватаясь за эти хвостики жизни, тонкие, слабые, гадкие, ядовитые???

В приюте, работая, чтобы не погибнуть, я таскал грубые мешки, стёсывая до крови пальцы. Доставая скудные крохи в больной постоянно сосущий желудок, я замечал особенного человека – женщину... некое необычное существо, чудесным образом вобравшее в себя несколько жизней, жадно распоряжающееся ими... словно бы бессмертное... Прочие постояльцы Сен-Мормант побаивались задирать её, только за глаза называли «мужланкой» или «бабезьяной». Поговаривали, что Энджи – наркокурьер, и только прикидывается извращенкой. Мол, большие и отвисающие под футболкой сиськи ей нужны как контейнеры для афганского порошка. Чёрт её знает, так ли оно было на самом деле, только в миграционной службе толерантной страны ей постоянно отказывали.

Я совсем не испытывал к ней неестественного влечения, но боялся и, наверное, по-человечески любил эту «мужланку», инстинктивно приписывая ей всевозможные людские грехи, мысленно возлагая на неё неудачи свои, чужие. Этот странный с виду человек наблюдала за моими страданиями и тоже мучилась втайне. За меня, а может, за Бога. Я это знал. Вроде, так чувствовал. Глядя на меня, на то, как жадно поглощаю сэндвич или иную пищу, она, казалось, слишком уж была озабочена тем, кто я и как попал сюда.

«Кто я?», – вопрос, конечно, интересный. Оба отца звали меня Арчибальд, но помнилось и другое имя – Артём. Возможно, что я – сирота из России, которого усыновила бездетная французская пара. Я знал немного русский язык и что-то смутно помнил из прежней жизни, убогой, казённо-серой, в которой не было любви, а для души был только телевизор с забавными американскими мультиками. Во Францию меня продали – так мне не уставали внушать приёмные родители, и потому я обязан был повиноваться им с благодарностью. А я не хотел – противно было.

Я вышел на улицу рано. Сбежал. Не мог жить с ними, потому что пили, а гнев выбрасывали на меня, «русского недоделка». «Даб» Паскаль был здоровенный мужик средних лет, «Родитель №1», как значилось в документах об усыновлении. В подпитии, он тяжёлой дланью колотил не только меня, но и своего мужа Дидье, «Родителя №2», и однажды загнал того в гроб. С его смертью папаша №1 вовсе сдурел – стал приводить домой кого попало, раздавать вещи. Вот-вот его лишили бы родительских прав. А детский дом, «ПМЖ для маленьких убогих», – был не для меня. Рвала изнутри неизвестная сила... Так я, десяти лет от роду, оказался на улице. Наверное, я не стал бы жить нигде, кроме улицы и странных подсобных помещений, потому что, сам чувствую, был чуточку того... Опротивела жизнь, поэтому швырял её бездумно. Мне бы психиатра, да где его сыщешь в притонах?

Скитался я довольно долго, лет восемь где-то, избегая прибиваться к беспризорникам, живущим стаей. Естественно, встречался с ними на улицах, но меня прогоняли, отнимали мой «аффюр». Заработок, то есть. Я просил подаяния или крал – тем и был сыт. Я прятался на ночь в теплотрассу, в подвалы, но приходили «шаркню» – бомжи, и меня гнали вон, или пытались сделать рабом. Так, перебираясь с места на место, как вечный жид, я решился распротиться с бродячей судьбой: истощённый, больной и вшивый, сдался в монастырскую канцелярию – в приют святого Морманта.

В мои сомнительные «восемнадцать» был я слаб и часто плакал. Рыдал, как девочка, на работах или в приютской ночлежке, зарывшись в плед, вдавившись лицом в худую пахучую подушку. Я был уверен, что пропаду, размазанный как букашка, низвергнутый в помой, в грязь. Тяга к жизни, желание побыть на свете хоть немного – вот, наверное, были мои «спасательные плаvasредства». Никто, впрочем, тут, в приюте, меня особенно не обижал: взрослые люди, наверное, мальчишку жалели по-своему. Хотя, я же понимаю, мне однажды встретится злой человек, и ему в радость будет моя беззащитная немочь. Так вот, Энджи, выходит, тоже следила за мной. Однажды она, прервав мои рыдания, посоветовала найти покровителя, который сумеет позаботиться обо мне, убогом «дрище»-доходяге.

Энджи стояла и смотрела на меня неотрывно – я прищепил палец и скорчил жалобную гримасу, посасывая больное место. Что-то всё же есть в жизни такое, «магнитящее» одного человека к другому. Вроде бы не близки, но выделяешь кого-то из прочих, и он становится в некотором смысле твоим *ориентиром* – знакомый незнакомец. И думаешь о нём, и в мыслях с ним беседуешь... Мне показалось, кто как не Энджи могла разделить со мной эту боль? Кто как не она могла позаботиться теперь?

– Эй! – откинув капюшон, защищавший шею от сыпучей пыли, позвала она резко.

Отставив мешок, я засунул в карманы руки. Они болели, ныли, багровые, стёртые на ладони и пальцах кое-где до крови. Зачем кому-то показывать свою слабость? Вдруг донесут, расскажут, заменят?

– На, возьми, тёплый ещё.

Из бумажного пакета вкусно пахнуло жареным, слюни так и полились изо рта.

– Сплюнь ты! – улыбнулась она, растянув тонкие алые губы. Ласково сияли её лиловые, будто собачьи, глаза.

Повинуясь, я смачно сплюнул.

– Знаешь сколько калорий? Столько за весь день не растратить! – нос её морщился, прямой, с большими «соплами»... Улыбнуло: так славно было наблюдать за одним только носом!

Женщина эта обладала овальным подвижным лицом, грубым на остром подбородке, покрытом бело-серыми пятнами. Выпуклые надбровные дуги с широкими ноздрями,

короткий «утиный» нос, нижняя губа выдавалась вперёд, будто припухшая. Лоб у неё гладкий, широкий, с выступившими крохотными каплями испарины.

Я жадно откусывал кунжутный багет с мясом, урча, как пёс, дыша громко, с удовольствием впитывая аромат.

– Э-э, так не пойдёт! – встревожилась она, сощурившись, бороздя меня тёмными блестящими щелочками. – Медленно, а то не наешься.... второго у меня нет, на него придётся заработать. А руки у тебя слабые!

Я затих пристыженный и сердитый, не смея проглотить кусок. Никто на меня не обращал внимания. А тут – дали еду, чтобы пожалеть!

– Спокойно! – развела она руками, улыбаясь по-доброму, глядя сверху вниз покровительствующим взглядом. – Не всё сразу. Труд, любой, – и мы люди!

Она отошла, приступив к погрузке своей части, а мне стало легче, не «будто бы», а реально спокойней, теплей. И руки не болели. Родилась во мне надежда, приятно и крепко дрогнула в груди струна. Она в этот день больше за мной не наблюдала. Зато я посматривал украдкой и немного стыдливо.

Часто помогая, подсказывая, Энджи настаивала, чтобы я немедленно «приклеился». Объясняла она это с удовольствием. В свободную минутку на работах или перед сном, она по обыкновению смотрела на меня внимательно и чего-то ожидала.

«В кругу, ужасном, безнадежном, золотом, великолепном, пёстром, загадочном, жили только два вида людей. Не три – лишь ДВА!» – она говорила красивые необычные слова, и мне слова её казались важными, значительными, как речи пастыря.

Проигрыш по Энджи – тоже победа, но только относящаяся к определённом виду, а к первому или второму – это как посмотреть. Её, мол, жизнь научила так: сдаться, чтобы победить, тоже надо уметь. Но зачем, возражал я, мне это знать? Я хотел кушать, одеваться в чистое и тёплое, не болеть, не быть битым и чтобы никто не мешал жить свободно. Выслушав мои наивные претензии к жизни, она рассмеялась, касаясь моих рук, проверяя что-то известное лишь ей.

Энджи настойчиво повторяла «закон стаи»: если не к ней я должен был приклеиться, то хотя бы к тому здоровенному негру, заросшему седеющей бородой и с глазами «вразбег», глупыми, пустыми. Негр, по прозвищу «Колтун», мог меня уберечь от чего угодно: его боялись, при нём все забияки будто языки проглатывали. И вправду, вида негритос был угрожающего, чудилось, смог бы голыми ручищами разорвать этих хлипких и плешивых «бико» – так расисты называют северных африканцев, арабов.

– Видишь его!? – не глядя, кивнула в сторону Энджи. – Ходит как сильный, значит, имеет власть. Про ММА слышал, нет? Хотя да, откуда тебе... Крам рестлер, бывший морской пехотинец из Америки, контужен в Ираке.

– Угу, – согласился я, посматривая из-под опущенных бровей. При виде мрачного «Колтуна» по спине и по шее бегали мурашки, я ёжился. – Страшный человек, колдун вуду.

– Совсем нет, – улыбнулась моя милая подруга, поглаживая меня по спине. – Не страшнее людей, собравшихся здесь, не страшнее жизни, а может, и милее... Ты с ним ещё познакомишься.

– Вряд ли, – вздрогнул я. – Если только станет моим покровителем.

– Так ведь не за даром, – Энджи буквально расцвела, сверкнув глазами, задвигалась всем телом.

– Деньги у меня бывают, – вымучено улыбнулся я, заёрзав. Я не любил тему «денег»...

– Средств у него в достатке, – произнесла Энджи с видом просветительницы.

Я отвернулся - терпеть не мог, когда кто-то выпендривался.

Веселее Энджи у меня не было подруги. Она отлучалась по каким-то делам из-под опеки охранников Сен-Мормант, и тогда я скучал. Стоило ей прийти, как я думал: нам всё дозволено и мы очень крутые, круче только охранники. Мы вместе могли материться, далеко плеваться, обсуждать кого и что угодно важно и долго, как, наверное, делали профессора и депутаты.

Энджи присаживалась на мою койку и болтала, иногда кокетничала, наклоняя голову набок. Из общего бремени невзгод, которое мы переносили без жалоб, родилась привязанность; она-то и помогала мне жить и чувствовать себя нужным. Взаимное сострадание... оно как свежий воздух – необходимо всегда!

С теплом в душе и невыразимым восторгом вспоминается та прежняя заботливая Энджи, которая не дала мне замёрзнуть, накрыв своим пледом, особенным, утеплённым нашивками из шерсти... Измученный тяжёлой работой или ожиданиями милостыни, истерзанный скитаниями я с тоской глядел на замусоренную лестницу, на паутину над разбитым стеклом, качавшуюся от сквозняка, а подруга Энджи всё придумывала уловки. Как наестся вкусно, да «от пуза»? Как быстрее оказаться на другом конце города, если вдруг туда зачем-то нужно? Где найти хороший картон, чтобы укрыться от холода в ночи, а в ночлежку неохота? Как связать-сшить старую одежду, чтобы она стала лучше и теплее новой? Мой собственный опыт скитаний пасовал перед её изобретательностью.

Вскоре от Энджи я ожидал сюрпризы, и никогда не обманывался. Фантазёрка и волшебница, она умела выкарабкиваться едва ли не из любой затруднительной ситуации. Умела добраться туда, куда представлялось невозможно попасть и на самолёте. По крайней мере, я так думал. Рядом с ней я не мог грустить, не умел... Словно ангелы кружили над Энджи и подсказывали верную дорогу и нужное слово. Казалось, дорогу подругу Энджи я знал давно – настолько этот человек расположил меня к себе, настолько чуткой, славной и заботливой была её натура.

– Слушай, что придумала! – начинала она со звонкой ноткой в голосе. Насмешливый рот чуть заметно подёргивался, когда она спешила поделиться очередной грандиозной идеей. – Сделаем, как мы хотим, а Бог присмотрит...

И Бог присматривал, и помогал нам здорово! Бог покровительствовал Энджи, ведь выдумщица была: улей, полный звенящих пчёлочек-мыслей. Но даже Иисус не рисковал так искушать Отца, как изловчилась Эн однажды!

В тот раз, когда всё началось, на улице стояла жуткая холодина. К вечеру задул с реки промозглый ветер, но возвращаться на ужин в ночлежку мы не спешили. Пихать без аппетита в рот размякшие от сырости куски несвежего хлеба обрадуется разве что и вовсе нищий. В тот вечер запаслись мы, «как аристократы»: сыр, булочки, и масло, и даже палка колбасы, с прилавка спёртой ловко, будто псом. Мы хохотали с Энджи без удержу, вспоминая, как глупо выглядел мясник, кичливо разодетый в меховую жилетку и шапку, когда внезапно у него прямо из под носа пропал товар!

Только что подруга отдала мне накидку. Сделанная наспех, но искусно настолько, что мог, наверное, позавидовать тот продавец-колбасник. Из подобранных вещей Эн мастерила одежду. При ней постоянно находились нитки с иголкой, какие-то верёвки и проволока, спички, даже соль.

– У меня куртка тёплая, не сдохну, – поясняла она, погладив меня по голове и щеке. – Потом сочтёмся, Артиш! – назвала ласково меня.

Так вот, той ночью мы в ночлежку имени святого Морманта не пошли. Одежду имели, и еды на день или на два, запасли с лихвой, затратив уйму терпения,

изобретательности. Энджи не составило труда отговорить меня вернуться. Я верил ей, своей единственной подруге, готов был прыгнуть за неё и в воду, и в огонь. А время шло, смыкался вокруг нас на пристани угрюмый сумрак. Начался мелкий дождь, ветер усилился, завыл. Блестящие капли осыпались с ветвей, под которыми мы надеялись переждать стихию. От капель, сброшенных порывами воздушных струй, на гладкой коже реки, замерцали дрожащие колечки, и волны, будто бы танцуя от уколов, уносили их с собой. И ветер, – чтоб его, разбойника такого! – навалился ещё сильнее, по воде поплыли мусор, сломанные ветки да чёрные куски коры, увлекаемые течением.

– Не-е-е, тут нам не усидеть, – покачала взлохмаченной мокрой головой Энджи. – За мной!

Дождь, ветер, холод, размышлял я, куда деться, если не в ночлежку? Чувство неуверенности, вещавшее о том, что Эн, мудрая голова, «перемудрила», прошло в душе моей нелёгкой смутной тенью, и тотчас сменилось радостью, вскипевшей через край...

– А-а, я знаю неподалёку место, где нас примут, только не тушуйся и... – Энджи вдруг посмотрела на меня строго. – Делай, что скажу!

Благодарность переполняла моё сердце. Милая Энджи, она становилась мне больше, чем подругой! О, какое блаженство, несравненное счастье – она вела меня за собой, обнимая, согревая! Она придерживала мой капюшон, чтобы тот случайно не свалился под порывами ветра. Я шёл в обнимку с ней, плечом к плечу, будто в таинственном сумраке, двигался за проплывающими перед глазами героическими образами... Я и волшебница Эн сражаемся против «ветряных демонов», преграждающих нам путь. Обязательно скажу Энджи, что решил: выбираю её своей покровительницей, это ведь здорово, иметь старшего друга, сильную советницу, с которой не страшны ни дождь, ни ветер!

Наконец, долгой петляющей тропой мы прошли склады и свалки, состоявшие в основном из разохшихся брошенных лодок и прогнивших речных барж. Откуда ни возьмись стали появляться снующие темнокожие бедняги с угрожающе свирепым видом в грубо смастерённой одежде и с лицами, похожими на пережжённые кирпичи. Разглядев Энджи и меня, многие кивали головами в знак приветствия.

– О-о, Эн, – обрадовался я. – Тут везде твои знакомые, можно переночевать!

Действительно, ночлежку в заброшенном складе держал знакомый Энджи – Говард Крам. Тот самый негр с глазами «вразбег». Получается, этот черномазый «бамбула» был только снаружи контуженным беднягой и захаживал в Сен-Мормант потехи ради! А на самом деле заходил, чтобы поискать «чернорабочих» (афроамериканцы в своей среде так называли неудачников того же цвета кожи, которые ищали повсюду на себе подобных). Этот Крам был кем-то вроде предводителя нищеты, имеющего влияние не только в «Городе дураков и гнилой картошки», но и за его пределами. Штатовская ли наркомафия стояла за его спиной? Или может от лица и по поручению Африканских сородичей он, черномазый, тут готовил бывшей метрополии нежданную масштабную подлянку?

Войдя в помещение склада, Энджи будто подменили. Она что-то бойко заговорила на английском и при этом как-то дико стала поглядывать на меня. Я даже рот раскрыл от изумления. Говард Крам сидел на мешках, почти лежал, слушал восторженную Энджи с усмешкой. Ощупью негр зажёл лампу. Маленькое пламя озарило обветренное, чёрно-шоколадное лицо, насупленные седоватые брови и живые острые глаза. Осунувшееся кроткое лицо Говарда было усыпано веснушками, полураскрытые бледные и пухлые губы слегка улыбались.

«Бунюл» (как обзывают негров) не тот, за кого себя выдаёт! – осенило меня, и страх закрался – липкий, потный.

Поднявшись, Говард с недовольным видом поворошил угли в печи. Он тихо, но внушительно, произнёс пару фраз, тоже на английском, растягивая гласные. Нехорошо

они говорили обо мне, я это чувствовал! Улыбка морщила губы темнокожего, противореча напускной суровости.

Трое появились внутри ангара неожиданно. Они встали специально у выхода, загородив его собою, с весьма угрожающим видом ухмылялись, переглядываясь. Подтверждая свою воинственность, один раскрыл «рванину» и показал на поясе ребристую металлическую дубинку.

Говард что-то отрывисто сказал, такое липкое и неприятное, что фраза повергла Энджи в заметное смущение. Некоторое время она не знала куда деваться – шарилась по стенам пылающим взглядом. Видно, она тоже непросто переживала происходящее, но уверенности ей придавала жизнь, закалённая вечными скитаниями и поисками.

– Спокойно, – наконец, ослабилась Энджи, примирительно подняв руки. И я увидел её лицо – оно словно окаменело, походило на демоническую маску.

– Когда те двое начнут, встань рядом с «поросёнком», – шепнула она, подмигнув. «Поросёнком» был назван персонаж, только что выбравшийся из-за кучи мешков, громоздящейся за спиной у Говарда Крама. У него, пассивного гомика, было маленькое румяное лицо, всё в родинках. Добрые голубые глаза, светлые, как поблёкшие незабудки, а голова, заострённая кверху, плешивая. Крохотные ножки и крупноватое тело. Карлик.

Энджи так и застыла с деланной широкой улыбкой, но нервами напряглась неимоверно: послышался, если не показалось, скрежет её зубов. Говард же, самодовольный и властный, снова сел на мешки, принялся наблюдать. И глаза его смотрели жёстко и прямо, отражая блеск лампы.

Я отошёл к «поросёнку», скакнувшему к стене и, кажись, завизжавшему по-пороссячи.

– Если «бабезьяну» отметелят, ты станешь на подсосе вместо меня... – противно пропищал карлик «ан франсэ», скривив обветренные губы. Я вдруг рассмотрел уродливый кривой шрам на его небритой щеке.

Злость вскипела во мне! И я всадил уродцу в пятак кулаком!

– Пошёл ты! – еле сдержавшись, буркнул я, к несчастью понимая, о чём речь.

Громили решительно обступили Энджи. Роста она была высокого, но держалась неловко, грузная баба, только что вставшая на изящные каблуки. Эти двое легко могли одолеть её одну. Дубинка свистнула над головой Энджи, поднырнувшей под руку бойца. Очутившись у врага за спиной, Эн хлётко впечатала ему в челюсть тыльной стороной кулака, вложившись всем своим гибким развинченным телом. Боец грохнулся, как мешок с дерьмом, улетевшая по инерции дубинка звякнула где-то вдалеке. Второго «быка» Эн обездвижила чётким пинком в пах, добив ударом по макушке. Этому, мешковатому, врезала, видать, посильней: взметнулись не то брызги воды его с кофты, не то слюна изо рта...

Оба бойца лежали, обмякшие, как использованные латексные «пузыри».

– Паршивый «травело»! – надулся карлик.

Он меня взбесил! Обозвал моего боевого «ангела» трансвеститом! Я переживал за Энджи, ведь её победа означала мою свободу. Размахнувшись, в свою очередь, я со всей злостью огрел «поросёнка» по мордасам. Карлик завопил, и спрятался за Крама, щупая окровавленную носопырку. Маленькие мерзкие глазки слезились, он жевал мне проклятия и дрожал.

Говард Крам, для которого любая драка была развлечением, захлопал в ладоши, затрясся, восседая на мешках, издал множество звуков одобрения. Глубоко вздохнув, Энджи встала прямо и расслабленно, восстановила дыхание. Было заметно, что она весьма довольна собой и слегка улыбалась. А я смотрел на неё, на спасительницу, и вдруг меня охватило запоздалое раскаяние: «Неужели это случилось из-за меня?».

Начальника бомжей что-то подвигло вскочить и начать шептать Энджи на ухо. Поведя томным взглядом, моя подруга покачала головой и попросила ночлег.

Дождь перестал. Серебристая дымка затянула землю и светлое зеркало воды. Переговаривались лягушки, слышалась их мелодичное кваканье. Треньканье сверчков как бы переключалось с ними. Мерцали звёзды, ярко просвечивая сквозь щели в старой тесовой крыше, и мы с Энджи, усталые и «перегоревшие» от впечатлений, валялись на рваных матрасах. Пахло клопами и затхлостью, а внизу, в куче соломы, шуршали крысы. Белый кот чихать на них хотел. Вздохмаченный и худой, но, похоже, счастливый, котяра примостился на ночь около нас. Спать пока из нас никто не собирался: мы достали сыр, колбасу, кукурузную лепёшку и «сиську» молока. Угощались сами и прикармливали усатого бродяжку.

– Выдержали, – тихо заметила Энджи. Лицо её осунулось, приняв тревожное выражение. – Боялась я за тебя, дурачка-Артиша!

Она гладила моё колено, и мне так приятно было сквозь штаны ощущать её ладонь... Рядом с ней – безопасность. Она – опора, надёжная и тёплая. Пережитое волнение обострило способность воспринимать окружающее, и я мог поклясться, что лунная пыль, сочившаяся вместе со светом звёзд, уже пропитала мою одежду, словно морская соль корабельные паруса.

– Они точно не вернуться? – спросил я насторожено, снимая влажную кофту.

Энджи утвердительно закивала, посмотрев на меня обнадеживающе, с непререкаемой ясностью, словно мама на сына, единственного и любимого.

– Крам – человек слова, – заверила она, пережёвывая лепёшку и кусок колбасы. – Но если бы меня вырубили... Афроамериканцы любят младших белых братьев. Видел, какой уродливый «пипёз» у Говарда? Он хотел его заменить.

Я не знал, как благодарить Энджи. Смутно чувствовал, что должен хоть поговорить с ней, коснуться её.

– Ума не приложу, что бы они со мной сделали?! – схитрил я, прикинувшись наивной невинностью. Теперь улыбчивое лицо подруги окружал какой-то туманный ореол. Мои глаза, с трудом раскрытые широко, пребывали во власти чудесной иллюзии.

– Стал бы игрушкой главара, некоторые бы позавидовали тебе, – закивала Энджи с видом знатока.

– Не-ет, – я возмущённо потряс головой, представляя как уродливый вонючий нигер, мерзко лыбясь, тискает меня, как девчонку, снимает штаны и заставляет делать разные противные вещи.

– Да ты что! – Энджи оторопело поглядела на меня и жестом руки велела замолчать. – Спи.

А сама защитница моя не спала – тихонько напевала, качая головой:

– Орие – небеса, орие – чудеса. Нам благоволит удача. Приключения нас ждут!

Отличная песенка у Энджи! Зевая до хруста в ушах, я поймал себя на мысли, что она мне смутно знакома.

За ночь я несколько раз просыпался и сквозь пелену глядел на умиротворенное лицо Энджи, да на свернувшегося «калачиком» кота. В тишине было слышно ровное дыхание людей, спавших в соседнем помещении, – случайных попутчиков по жизни, брошенных судьбой в одну и ту же утлую лодчонку, которую неодолимой силой увлекало в мрачное неизвестное.

Но я всё-таки заснул. Провалившись в тёмное и неопишное состояние, я увидел красочный цветной сон. В нём, в замкнутом пространстве, похожем на внутренность капронового мешка, Энджи связала меня и ругала за что-то непонятное. Потом взяла кнут и стегала, как провинившуюся собачку. Чем больше она заносила чёрную плеть, тем

становилось мне теплее и приятней в груди. Я понимал с горячностью, что она совсем не бьёт меня, а очень рада и любит искренно и горячо. Только таким странным образом она должна выразить обуревающие чувства.

– Йоу! Вэйк ап, гай! – пролаял кто-то из другой реальности.

Потыкав ногой в бок, лысый громила (это был тот третий, который не решился напасть тогда на Энджи) разглядывал меня с оскорбительным любопытством. Я встал, хмурясь, чихнул, потеряв заложенный нос. Подруги рядом не было, но слышался её оживлённый голос на улице.

Склады здесь были заброшены давным-давно, наверное, при Наполеоне, и прогнили порядком. Не знаю, кто и почему разрешил ютиться в них бездомным. Одной моей скромной интуиции не хватало, и милая Энджи указала на Крама. Конечно, ответ знал он, «начальник бомжей», но говорил бы по-английски и, вероятно, не задаром.

Мы двигались к Сен-Морманту, в ту самую подозрительную богадельню со злыми монахами-охранниками. Проелись на своих харчах, денег почти не оставалось – следовало подзаработать. Энджи шла торопливо, глядела под ноги сосредоточено, молчала, будто немая, то и дело прикусывала-обсасывала нижнюю губу.

– Что у тебя? – не выдержал я, смутно понимая возможную тяжесть ответа.

– Я отдала все сбережения Говарду, – не сразу созналась Эн, вздохнув от досады.

Из-за меня! Паразита этакого! Я корил себя, называя в мыслях так плохо, как мог.

– Не-ет, – по выражению лица Энджи угадала мои терзания.

– Точно не из-за меня теперь? – сомневаясь, уточнил я.

Она порылась в кармане штанов, зашуршала пакетом. Но не вытащила ничего.

– ЭТО поможет нам выбраться... – произнесла она вдохновенно вполголоса. Лицо Энджи сияло. Я не видел её такой просветлённой ни разу. – Новая жизнь...

Минуту я обдумывал слова подруги, теряясь в догадках, но радуясь. С восторженным трепетом, выжидая, что же мне сейчас откроется, глядел я на изумительную проныру Энджи, готовую заплясать от внезапного прилива чувств. Ведь дружище Эн снова готовила сюрприз и каким-то «десятым» чувством я подозревал: сюрприз далеко – очень далеко, а возможно, недостижимо далеко! – не простой.

– Слушай, и когда расскажу – ни о чём не спрашивай. Знай, что ТАК правильно! – стрельнув глазами, ткнула указательным пальцем в небо Энджи. – Дай клятву, Артиш!

Я согласился, поклявшись всем, что имел (а у меня ничего не было, кроме серебряного погнутого крестика на груди), пообещал в сердцах «только слушать, и не спрашивать». Мне не за кем было следовать больше и некого слушать, кроме доброй и заботливой Энджи, моего ангела.

А Марра кто? Просто так, девка, не русская, не француженка... На распределении труда её привели в нашу приютскую бригаду полицейские. Энджи тогда сказала, что эта несимпатичная мордахой дура по своей воле смылась из Украины в Хорватию, работала «мармитой» на сутенёра, потом её перепродали во Французский бордель, оттуда выгнали за вздорный нрав, и уже тут Марра в качестве «маршёзы» не единожды ловилась полицией на панели. Отсидка за решёткой и штрафы не исправляли её, а наоборот – раззадоривали, как неуёмную псину игра. Но мы о ней говорили мало. Не прогоняли и всё. Я, стараясь выглядеть солиднее, только однажды рискнул спросить Марру про «победу второго вида». Та покрутила пальцем у виска: «Маррант!» – и показала мне язык. Мартышка!

Энджи и тогда казалась мне невообразимо умной, знающей Францию едва ли не целиком. Женщина по-прежнему заботилась обо мне, с добром обнимая, делясь едой, питьём и одеждой, выручая из передряг. Ох, сколько их, трудностей, валилось на мою долю! Но зря, видят покойные родичи, занял я у неё деньги. Хотя... свидетели тому нищие люди: всеобщая милость ко мне, везение и многие славные стечения обстоятельств – заслуга бравой и такой разной Энджи.

Но ведь не могла она постоянно держаться рядом, а я всего лишь хотел устроить себе праздник на свой-то день рождения. Нельзя что ли? Энджи уже тогда знала: не смогу вернуть ей должок. Ни с процентом, как в деловых сделках, ни без. Не помогли стенания и обещания. Моя подруга и кредитор потребовала всё отработать. Ночью мы с ней отправились ловить мальков на берег реки ради «ушицы». Не знаю, где она взяла тюль? Обычно бездомные, не хлябая физиономией, «вычищают» этикие «инструменты» отовсюду. Энджи словно готовилась к чему-то очень важному: тревожилась и нервно подёргивала головой. А потом, прикусив нижнюю губу, она посмотрела на меня так недовольно, будто всё плохое, что когда-нибудь случалось с ней – моя вина. Впрочем, я ничего не мог поделать. Наловив малька, мы промокли изрядно, и подмёрзли.

– У тебя было с девочкой? – вдруг спросила она, старательно разводя костёр.

Я покачал головой, растирая грудь и плечи. Холод подбирался чертовски быстро. Словно обличая истинный мой грех, в голову пришёл тот сон... Я вспомнил отрывки, в которых Энджи сладко истязала меня, и задрожал.

– А с мальчиком, ха-ха? – Энджи встала, нависла угрожающе.

Я усмехнулся. Нашла, о чём спрашивать на холоде!

– Я сейчас очень зла на тебя: ты потратил мои деньги и не смог вернуть, а обещал ведь! Сказал, что тебе предложили быстрый заработок. Обманул?

– Нет-нет, – испуганно ответил я, вздрогнув. Энджи была для меня лучшим другом и даже больше. Наставником. Без неё я сразу «загнусь», подхвачу гангрену, стану «пресмыкающимся». У многих в притонах есть старшие товарищи, называемые, что ли в шутку, «мастера». Соответственно, у «мастера» есть «подмастерье» или «слуга». С этим ничего не поделаешь. Кто-то создал эту иерархию, и каждый в притоне знал о ней. «Потерян тот слуга, кой не имеет мастера» – примерно так звучит французская пословица. Смысл её как нельзя глубже понимаешь, вращаясь среди обездоленных, не принадлежащих себе людей.

– Что я могу сделать для тебя, Энджи? – спросил я сразу, но голосом севшим, простывшим.

– Пока разгорается костёр, неплохо бы согреться, – сказала Энджи напряжённо. – Пошли в траву, а то здесь ветер.

Трава одела тут всё побережье: густо, вымахала местами совсем огромная, высотой метра два, если не больше. Она жёсткая на ощупь и плотная, из неё получилось бы, пожалуй, сплести логово с укрытием от дождя. Быть может, сейчас и начнём плести?

– Идём, – согласился я, волнуясь, искоса поглядывая на подругу, пытаюсь угадать её замысел.

Мы зашли вглубь зарослей. Точнее, привела меня Энджи. Ох, и сердитая она была! Говорила, чуть дрожа, я чувствовал, что если не послушаюсь, то она реально изобьёт меня.

– Сколько тебе лет? – сурово спросил она. Тогда, как ни трудно ей было, мой ангел, наконец-то, скинула добродушную и терпеливую маску. В свете месяца резче стали черты её лица, а копна волос на голове превратилась точно в смолу. И смотрела она неприязненно, на миг глаза её показались мне замерзшими льдинками.

– Пятнадцать, – промолвил я сдавленно, не глядя больше на неё, пытаюсь вызвать жалость.

– Так и думала, – кивнула она, причмокнула губами. – Отчего не подался в приют для детей? Там бы приняли, худо́ба, там бы не страдал. Малышне давал бы по башке.

– Я не какой-нибудь шкет... – буркнул я, подняв глаза на Энджи.

– Да, – согласилась она иронично. – Не окажись рядом я, тебя бы, взрослого, изнасиловали много раз, а потом бы каждый желающий делал с тобой, что заблагорассудится. Потом-то...

– Помню, Эн, помню, выручала... – закивал я виновато. Почему я ей верил? Ведь меня в приюте взрослые не трогали!? Тело моё ослабло, а ноги подкашивались, будто меня пытаются, вытягивая силу...

– Хозяйка хочет согреться, – проговорила Энджи строго, поманив рукой, раздражённая по-прежнему. – Иди!

– Слушай, хочу сказать... – начал я сбивчиво и тихо, но неожиданно умолк, задышав так, словно шею стиснула невидимая узда.

– Не говори, – сухо произнесла она, покрутив головой. – Мы с тобой связаны.

Я кивнул, осторожно к ней пододвинулся. Она провела кончиками пальцев по моему лицу и посмотрела в глаза так неистово, испытующе, будто не верила, что я по своей воле остался с ней. Не резким, но решительным движением рук она заставила меня встать на колени. Я смиренно согласился.

– Хочешь МЕНЯ? – спросила она, шлёпнув меня по правой щеке. – Заодно и согреешься...

– Хочу, – произнёс я, кривясь. Запах шёл неприятный.

– Не морщись, привыкни... «кики»! – вздохнула Энджи, закрыв глаза и подняв голову. – Лес моф, жё вус кииф! Целуй, не останавливайся!

Вскоре я понял: чем больше обращался за помощью к Энджи, тем большими правами она обладала надо мной. Она-то давно адаптировалась к трудным условиям уличной действительности. Талант выживать за счёт воровства и обмана, казалось, достался ей от рождения. Энджи могла внушить почти что угодно не только мне, нуждающемуся в поддержке и компании, но и другим – старше, нежели она сама, и сильнее. С обычным своим упорством «мой ангел» прокладывала «нам» дорогу, забавляясь моим немым бешенством. Ей постоянно нужны были какие-то мелочи, типа газет, бутылок, мешков, тряпья, железяк разных и прочего – она отсылала меня с бесцеремонностью безалаберного хозяина. Увещевала, мол, так необходимо, незаметно показывая на неприятного человека, якобы заприметившего нас: его, меня и Марру.

– Ща-а-ас! – восклицала Энджи с ласковой вкрадчивостью, отбивая во мне жгучие потуги к бунту.

Между тем, она становилась всё раздражённое и злее, я понял: прежние отношения прекратились, я должен был платить, ведь я «артиш» – «кошелёк», в который Эн вложилась. И не нужен, оказывается, мой крестик, даже и выправленный аккуратно. Она любила меня как игрушку, с которой делала что угодно и как угодно. Когда мы не ночевали ни в приюте Морманта, ни у Говарда в гостях, я готовился служить прихотям хозяйки-«ангела». И милая Эн, казалось, забывала прежнюю себя, превращаясь в садиста-забавницу, норовящую унижить. Я был согласен пострадать для удовольствия Энджи, но вскоре она стала выдумывать для этого более изощрённые способы, и я держался с трудом. Её глодало страстное желание терзать меня ночью в траве или в канализационном коллекторе, и случалось, от обиды у меня перехватывало дыхание, я толком не мог даже плакать. Тогда «ангел» надевала уродливую, вульгарную маску, чуждую ей самой. Стоило мне начать сопротивляться, она раздражалась ядовитыми упрёками, обещала оставить и бросить «на съедение» неграм. Я упрекал себя за выбор такого «друга»: ведь в её намерении помочь мне выбраться из этой никчёмной и позорной жизни сквозил обман.

Но где-то в глубине измученной души я всё же верил Энджи, горел верой в лучшее будущее. Оказалось, я любил её искренне, и в чувствах своих не обманывался. Она приручила меня, и сделала правильно. Теперь, служа её злодейским страстям за мнимое покровительство, я... получал удовольствие! И каждый раз, когда Энджи уводила меня, торопясь, я был переполнен сладостными ощущениями, томился неясным, но приятным страхом. Каждый раз, не решаясь признаться себе и ей, я тайно улыбался отблескам угасающего дня. Это была моя победа – «победа второго вида».

День настал осенний: угрюмый, мокрый, прохладный. Энджи выглядела взвинченной, как никогда. Сначала она пропала, и я подумал, что она пошла «разрядиться», не иначе, – подраться с теми неграми снова, чтобы почувствовать приятное освобождающее утомление. Но нет, «ангел» вернулась слишком скоро, по-прежнему озабоченная, покусывающая и губу, и уже ноготь на большом пальце. Назвала точное время и место для меня и Марры. Она была напугана и щурила глаза, полные смутного страха. Девка, постыдно тупая, сидела с нарочито суровым видом, выдавливая из себя слова:

– Это... э-э... куда, там что?

Я держался с подчёркнутым равнодушием, без суеты. А сердце колотилось бешено! Я пытался придать себе свирепость, чтобы вдохновить друзей, однако не выходило. Я глядел на Энджи затуманенным благодарностью взором, чувствовал: сегодня решительно и бесповоротно изменится весь наш «бомжий мир». Марре, этой пустышке-мартышке, импонировала всегдашняя находчивость и смелость Энджи. Её вымученная улыбка, кривившая полуоткрытые губы, сменилась гримасой ужаса, когда она узнала, куда мы отправляемся.

– Нет, нет, – замахала она руками, как сумасшедшая. Соскочив с травяного матраса, она завопила, подурнев лицом.

Но Энджи совладала с собой и уже смотрела ясным, правдивым взглядом. Она решила за «нас». За внешним холодным спокойствием Эн скрывала душевную муку. Я видел это и молчал, переживая за неё искренно.

Говард Крам появился неожиданно. Он, точно крыса, выбежал из бурьяна. В правой руке негр держал большой светодиодный фонарь, а в левой – белый носовой платок. Добродушно ослабившись, Говард, что для него удивительно, промолвил на хорошем французском, глаза его глядели прямо:

– Бонне шанс!..

Приняв фонарь у главаря нищих, Эн хлопнула меня по спине и шутливо посоветовала передумать, остаться и отдаться Краму прямо тут. Марра бы сейчас же развернулась и поспешала за Говардом на всех четырёх. Но Крам не любил женщин, только уродливых карликов-«поросят»... и белых детей.

В городок Кокель (карго-терминал туннеля под Ла-Маншем) нас привёз, полуубитый и жутко тарахтящий грузовик. Доставили груз в мешках, завязанных крепко. Затем нас перенесли в поезд. Остальные события я утерял из памяти, приукрасив воображением. То ли страх тогда лишил сознания, то ли химия вырубил меня, сказать было трудно, но, если попытаться, получилось бы как-то так:

«С трудом подняв нас, грузчики, конечно осведомлённые, тащили долго, кряхтя, ругаясь по-английски. Наконец, бросили. Выбравшись первым, Энджи освободила меня и Марру. Стояла тьма, день был нерабочим, что ли? Вокруг ни одного человека. В окошко маленькой конторы, дрожащей от вибрации туннеля, виднелась шахта – «чёрное жерло в никуда» подсвечивалось слабыми сине-белыми неоновыми огоньками.

– Мать моя... Родина! – лила слёзы и слюни Марра. Девушка сжалась в клубок и не хотела подниматься на ноги. Она содрогалась всем телом, причитала, стала похожа на какой-то нервный ком из кожи и костей. Но расслабляться было рано, путь впереди всё равно ещё долгий, хоть и оставалось десятков километров. Тряслись поджилки, но я шёл и верил в удачу моего ангела Энджи. Угрожая ножом, как бандит, Эн погоняла Марру.

– У-у-у-у-у-ж-ж-у-у! – двигалась железная машина, скрежеща колёсами, гудя ужасающе.

Страх и безоглядная вера превратили меня в робота: я шёл, выполняя приказ. В полутьме лицо Энджи сделалось мертвецки-бледным, но путеводными звёздами горели её расширенные глаза. Машина грузового состава проносилась, и мы двигались живой, не боком, а как солдаты, наверное, перебежкой. Воняло мазутом и другой гадостью, мокрой и терпкой. Энджи я не слышал – звенело в ушах. Когда она поворачивалась и пыталась что-то сказать, я улавливал её гримасы. Казалось, она сейчас примерила маску больной, поражённой параличом лицевого нерва...».

Сколько прошло времени – знал, быть может, чёрт один. Я, Энджи, Марра находились в помещении, сухом и тёплом, ничто больше не предвещало волнения. Нас провели сюда люди в униформе ни то британских полицейских, ни то тех самых грузчиков... Начал я соображать не сразу. Евротуннель длиной всего-то полсотни километров, вход туда огорожен колючей проволокой, в вагонах патрули, кругом ВОХРа. Лагерь беженцев, что был поблизости, закрыли давно, лет десять назад точно. Нас, наверное, перевозили в грузовом отделении электрички, то ли в коробках, то ли в мешках, но по непредвиденной случайности ссадили на полпути. Потом мы топали пешком по рельсам, уворачиваясь от проходящих составов. Потом нас сцапали англичане и заперли сюда. Смутно помню, Энджи сидела с голой грудью, а женщина в белом халате и резиновых перчатках что-то откачивала из её груди через шприц. Двое быков-охранников в цивильном терпеливо ждали окончания процедуры...

– Отходняк, – спокойно подытожила Энджи, откинувшись на спинку дивана. – «*Орие* – небеса, *орие* – чудеса. Нам благоволит удача. Приключения нас ждут!».

Слова этой песенки буквально выдернули меня из свинцового плена... Я казался контуженным, скорее всего потому, что глядел с отупелым изумлением.

– Посмотри, с головой в порядке, не течёт мозг? – попросил я Энджи, ели шевеля языком.

– Что? – не поняла она и отмахнулась. Ага, Марра отсутствовала, значит, уже спала. И мне стоило отдохнуть. Встав, я поплёлся на нетвёрдых ногах. По пути наткнулся на кулер. Выпив холодной воды, завалился на матрас. Придавил тяжёлый сон.

Снилась полная бредятина: люди разного цвета кожи – красные, зелёные – манили Энджи то туда, то сюда. Манили кто чем: деньгами, оружием, другими людьми, дорогими машинами (она вроде не умела водить), новыми большими домами с просторными комнатами, горячей и чистой водой, сладостями, жареным мясом...

Энджи вела себя как-то странно – выбегала из разных полуразвалившихся помещений, рыдала, проклиная небо, а затем выстреливала в голову из невесть откуда взявшегося пистолета. Эта картина повторялась несколько раз подряд, словно закольцованная плёнка в проекторе.

Вынырнув из дрёмы, я долго пытался понять происходящее вокруг. Марра валялась на матрасе, распластанная, раскинув руки. Печально-усталое выражение не сходило даже во сне со сморщенного и красноватого лица девушки. Рассмотрев её ближе, не дёргавшуюся, мирную, немного поглазев под задранную юбку, я решил: она не столь уж дурна. Представил серые глаза под густой щёткой ресниц. Нижние веки слегка

припухшие, с крохотной складочкой. Небольшой, аккуратный носик с закруглённой линией горбинки и приподнятым кончиком. Волосы – тёмно-рыжие, вечно в беспорядке, из сбитого набок пучка выбивавшиеся небрежные локоны. Необычно мне, не знаю, как другим, показалось, выглядел подбородок... В его очертаниях было что-то детское и правильное, словно у кукол «Барби». Спи, Марра, мартышка...

Снаружи стригли газон. Работали несколько машин. В этой комнате пахло свежескошенной травой и кофе, кажется, с шоколадом. Здорово! Вкус кофе идеально оттеняет горький шоколад, а ещё коньяк... Мы когда-то с Энджи пробовали...

Выйдя из комнаты, я тотчас ожил: обнаружилась ванна с туалетом! Забыв про кофе, я заскочил в душ. Натёрся весь ароматным мылом, вылил на себя чуть ли ни тонну воды. Может, вылил больше, но мне кажется, тонну точно. Освобождённый, блаженный, ангельски чистый, я вышел к подруге, которая заварила кофе в медной турке и задумчиво помешивала деревянной ложечкой в коричнево-пенной ароматной суспензии.

– Не спала? – спросил я тихо, ещё наслаждаясь чистотой и прохладой на теле.

– Спала, – кивнула она, уже потягивая кофе из белой красивой чашки. – Я не робот!

Тёмные волосы Энджи были зачёсаны назад, но их малая часть, всё же, пушилась на чёлке. Открытый смуглый лоб, гладкий, кое-где пересекали морщины. На подбородке пятен почти не осталось, лишь возле ямочки. Чистота и покой преобразили её. Она удобно устроилась на диване, смотрела на меня и нежно, и с хитрецей, скользя взглядом по моим белым и чуть влажным плечам. Подложив руку под голову, неторопливо гадала, как со мной поступить.

Вот бы всегда у нас была тёплая вода, мыло и спокойствие! – подумал я, ласково улыбнувшись в ответ покровительнице.

– Подойди, – наконец сказала она в голос, выпрямившись. Энджи сочетала в себе нежность и необыкновенную неземную силу.

В комнату зашла Марра. Конечно, Марра! Испортила минуты счастья... Она явилась, заспанная и снова туповатая.

– Хо-о... – промолвила она удивлённо и повернула в душ. Сквозь шум воды донёсся ее голос. – Меня бы дождались, голуби! Бог любит Тро... сэндвич!

Говорили мы в последнее время мало, лишь перебрасывались отрывистыми фразами. Времени не хватало на тёплые душевные беседы, о которых я мечтал, засыпая от усталости. Чтобы как-то перекантоваться мы стали работать под надзором плечистых амбалов на одного «рикана» по прозвищу Сэр Филин. Он пока и диктовал распорядок дня. Из скурых пояснений, каковые мне удалось выудить у Энджи, выходило, что по её вине мы крепко «попали». Оказалось, что Крам накачал «контейнеры» Энджи наркотой, и с этой поклажей её спалили «филины». Теперь весь мир превратился для нас в подобие Евротуннеля, и неизвестно, увидим ли мы пресловутый «свет». Но уныние от того, что мы в одночасье утратили свободу, сменялось лихорадочным возбуждением и даже во сне не отпускало меня: кошмар перемежался с эротическими грёзами. Как в такие моменты смиренно повторяла себе Энджи: «Таковы оковы нашей жизни».

Вскоре нас перевезли в США – в огромный, страшно шумный и дикий, сверкающий иллюминацией и всяческими огнями и фонарями Город Свободы.

Если не за всё, то за многое в жизни приходится платить. Скитаясь безвольно, я понял это. Продавцы людей – «кукловоды», как назвала их Энджи, – делали бизнес, торгуя «живым товаром», причём, только беженцами. С безродными бродягами иметь

дело проще, нежели кого-то похищать, а потом опасаться, что спецслужбы найдут и накажут. Сэр Филин передал нас троих (Эн, меня и Марру) в компанию мистера Тони Филдинга. Номинально, он был разработчик каких-то там логистических схем, а де-факто – занимающегося трансфером «живых кукол». Перевозка бездомных людей происходила без потерь для бизнеса и, тем более, без урона для американского общества. Кому нужны неучтённые элементы? «Кукловодам»! Оказалось, мы им были очень нужны. И таких, «ничьих», собирали едва ли не вагонами.

Современное рабство в цивилизованной стране очень разнится от средневекового. Нас заставляли работать, требовали беспрекословного подчинения, но при этом предоставляли сносные бытовые условия и даже платили деньги, которые хватало на карманные расходы. Убежать нам бы просто так никогда бы не дали, так как, наверное, мы слишком много знали. Короче, этот вид рабства более всего напоминал частный исправительный лагерь.

Я долго не мог заснуть, не то, что Марра... храпела, пуская пузыри, бормоча что-то. Но не спала и Энджи. Наскоро освободив меня от «ущербных» мыслей, вспотевшая, она упала на свой матрас и снова повернулась ко мне: свет от уличных вывесок бил в глаза, а матрас никуда и не перетащишь, разве что в зал, но там ночевали два вонючих собрата по работе.

– Порошок сортируется в отдельном помещении, – невнятно сказала она, позёывая.
– В респираторных масках. Ватно-марлевые повязки, скорее всего, наденем, чтобы не нанюхаться крэка... Дело с наркотой, и платить должны надлежащим образом.

За окном с москитной сеткой дул, завывая, ветер. Снаружи слышался шорох. То ли сквозняки шалют, то ли кто-то подбирался к нам, чтобы «спалить» и донести. ОНИ на всякий случай предупредили нас, что всё прослушивается. За окном трепетала листва, охваченная лихорадочной дрожью. Там, в успокоившейся пустоте улиц, шевелился хаос и громоздился мрак: НЕЧТО готовило нам новую работу, но никогда не знаешь, что «кукловоды» могли ещё с нами сделать.

Уличные шумы доходили сюда приглушённо, словно издалека, хотя дорога и пролегла рядом. После работы я уставал настолько, что слух мой притуплялся, и я уже ничего не слышал.

Утром за нами приехал микроавтобус. Водитель по имени Чак болтал по-английски.

– В общем, – заключила Эн, обратившись к нам с Маррой. – Кто убежит, пеняйте на себя: искать никого не будут, Америка свободная страна. Так и останетесь на улице среди чужаков, которые вам не рады. И спасти вас некому. В лучшем случае, полиция попытается выяснить личность, а потом, когда «обломаются», сдадут в приют. Как обычно... Из приюта вас изымут снова те же «мохнатые лапки». История повторится...

– А заплатят нормально? – спросила Марра капризно, жуя резинку.

– Да, неплохо, – кивнула Энджи. – Если верить Чаку, хватит на многое, тут, в США.

– Би квайт! – объявил водитель, принимая сигнал по рации. – Ол райт, ви а гоуин ту мув...

В помещении стоял дым, но не «кокаиновый угар», а табачный. За тонким металлическим столом у обшарпанной стены важно разглагольствовал сидящий мужчина в чёрном пиджаке и, похоже, поддакивал негр в безрукавке, нацепивший на себя уйму пёстрого металла. Увидев Энджи, оба отвлеклись. Негр, вытащив изо рта сигару, присвистнул. Одобрительным кивком выразил интерес и седой «мэн» в пиджаке. Он вытащил кожаный кошелек из внутреннего кармана и шлёпнул им по столу, будто прибил

муху. Оба теперь чего-то ожидали, переговариваясь вполголоса и не спуская глаз с моей подруги.

Полуодетые девочки, белые и темнокожие, в светло-серых масках шуршали пакетами, перебирали бумагу и переставляли картонные коробки, обклеивая их липкой лентой. Марра начала истерично похохатывать, вытаращив глаза на почти открытые маленькие острые шоколадные груди юной работницы. Не смущаясь ничуть, мулатка продолжала трудиться. Её руки, как манипуляторы промышленного робота, производили чёткие отлаженные движения. Наблюдая за работницами, Эн тоже начала раздеваться и посоветовала избавиться от лишней одежды мне и Марре. Здесь-то белый «мэн» и негр воззрились на Энджи, затаив дыхание.

– Айл гив твенти долэз, зе кул гёл кэн шоу ас... – начал негр развязно, проделывая пальцами недвусмысленные жесты.

– Но-о, – отмахнулся седой. – Сёти долэз – бэнь-бэнь... кам он, бади, кам хиэ, – поманил он Энджи.

Казалось, ещё минута и компания за столом учинит сумасбродство. Откинувшись на стуле и вперив глаза в потолок, негр кивком выразил согласие, смакуя предстоящее зрелище, как тонкий знаток.

Обнажённая Эн неохотно подошла и приняла у седого три купюры по десять баксов. Взяла и прикрепленный на ремне розовый резиновый пенис. Огромный такой. Наклонившись, она подставила ухо седому, который, давась смехом, забормотал заказ, довольный не то своей находчивостью, не то злодейством. Он судорожно показывал пальцем на одну из полуголых работниц, не то индусок, не то мексиканок. Черты лица Энджи выразили удовольствие, но потом, когда отвернулась, оно сменилось холодной отчуждённостью. Мулатка всё поняла и не сопротивлялась, было оплачено. Нагнувшись, она подставила пышный темнокожий зад крепкой и обаятельной Энджи. Белый «мэн» и негр перестали ругаться и хихикать, напряглись и следили со страстным вниманием.

Я ревновал подругу к этой девке! Помогая фасовать, почти не смотрел на них, а только материл «начальников» и немного обижался на Энджи.

Эротический театр был, естественно, не единственным зрелищем, которым развлекались наши хозяева. Бывало, компания цветных мордovorотов притаскивала сюда узкоглазых, и, скучающие без ЧП охранники, метелили несчастных до полусмерти, а потом выносили их, как мусор. В помещении находилось несколько комнат, где разбирались с «трейторз» (предателями), «рон» (неверными) и, наконец, с «фулс» (придурками). Узкоглазые и черномазые почти всегда были «фулс», а белые и смуглошоколадные – иногда «трейторз», но чаще – «рон».

В ходе работы на «кукловодов» я выучил некоторые элементы жаргона, возвещавшие о роде развлечения. «Сэндвич» – это когда, в основном, охранники или просто желающие, свободные, не прочь развлечься, могли потешить себя и хозяев. Всегда вдвоём и на наших глазах «обрабатывали» какую-нибудь работницу на столе или на полу. Обычно на «сэндвич» босс-негр приносил камеру и снимал, улюлюкая, приговаривая. «Бэт», значит, сутенёр (местный, а может не местный) привозил «ночных бабочек». Их учили слушаться: разбивали нос и злобно орали ругань прямо в ухо. Иногда и сутенёру доставалось, ведь, он один, а «бабочек» много, за всеми уследить трудно...

Что касалось работы фасовщика порошка, то это была монотонная, требующая чёткости и утомительной лёгкости движений, операция. Порошок имел способность то сдуваться, превращаясь в неуловимую пыль и разлетался по комнате. Ладно, когда его обоняли дяди-начальники, но когда попробовала Марра, её сразу наказали. Дура! Ведь прямо над её макушкой висела камера, которая следила за нами. Да и нетрудно было бы распознать обдолбанную Марру, ведь она успела нюхнуть, вела себя безобразно-

вызывающе. Правильно, что два здоровенных негра буквально выдавили из неё эту дурь... Но лучше бы прямо там завалили на стол и «прокачали», каждый со своей стороны. А Марре – это за счастье! Как-то она сказала, что стала «распутной Барби»! А так – стало бы меньше плохих мыслей рождаться в её башке!

Энджи... А что же с ней? Она вновь затеяла что-то!? Я это же чувствовал! Наперекор всему, в ней росло нестерпимое желание вырвать нас из лап мистера Тони Филдинга.

Вечером, когда рядом отсутствовала Марра, я прилёг на матрас к Энджи, накрывшись до шеи её покрывалом, и шёпотом спросил:

– Придумала, Эн?

Она быстро отвернулась, желая скрыть охватившее волнение. – Ты о чём? – раздалась её глухая насмешка.

Моё чувствительное сердце страдало от утончённой жестокости, которой злоупотребляли наши начальники. Вспоминая с обидой, что мне не делали скидку на возраст, а наоборот, забавлялись, не щадя, я задыхался от стыда и ярости так, что губы тряслись. Наверное, все эти муки нашим крестом стали с самого рождения. Но Бог милостив, вместе с невзгодами он одаряет и самой силой таковые преодолевать: была у меня настоящая потребность отрицать зло, поэтому в глубине души я лелеял надежду, что Энджи вытащит нас из передраги.

– Эй! Не спишь? – вдруг шепнула Энджи под покрывалом, когда я уже подумал, что она спит и мне так не суждено узнать мыслей моей подруги. – Втроём нам не выбраться... Это точно! Мне кажется, что Марре нравится это место, и она донесёт обо всём, не задумываясь.

– Откуда знаешь? – хотел я закричать, но промолчал, затаившись.

– Её обычно выводили, а сегодня пару раз просто вызвали, заметил? Для чего-то хотят пристроить. Сам как думаешь? – шёпот Энджи стал походить на чахоточный сип. – Терпи, Артиш. Сигнал я дам!

Тут наш разговор оборвал звук приближающихся шагов, похожих на стук каблуков Марры. Дверь приоткрылась, и мы услышали ее голос.

– Э-э... Мальчики! Покажете? – войдя в комнату, спросила Марра вяло и вожделенно. – Завтра нас... э-э... везут к богачу, слышала. Щас такое расскажу, я туда зашла... ну-у, когда позвали...

Марра, еле шевеля языком, подыскивала слова, с трудом составляла из них фразы и хотела, чтобы с этими кургузыми, туманными предложениями её внимательно выслушали. Конечно, иногда Марру мне хотелось выслушать и даже поддержать. Хотя она часто злоупотребляла нашим добрым отношением к себе и вела себя как стерва: старалась нарочно взбесить, непонятно, правда, с чего ради, но поистине с дьявольским лукавством... «Такая у неё защитная реакция!» – сказала Энджи.

Я, как мышь, незаметно вынырнув из-под покрывала Энджи, ретировался на свой матрас.

– Да? – почему-то ошеломлённо переспросила Эн у Марры. – Обычно планами на будущее осведомляют меня!?

Марра будто не слышала и продолжала ночные откровения.

– Я тут отдалась старому негриту, у него огромный «мандрэ»... И работает... ну-у, прекрасно!

– Заткнись ты! – резко прервала её Энджи. – По делу лепечи!

Сбивчивая болтовня Марры доставляла ей самой, похоже, какое-то грустное удовольствие, девица уловила и постаралась загасить вспыхнувшее смятение Энджи и моё.

– Ну, там и сказали... типа вечеринка делается у одного богатенького папика. Типа «Богема»! – Марра собралась и заговорила более-менее связно, но всё равно её голос захлёбывался, словно боялась, что не успеет досказать мысль. – Зашёл полисмен в апартаменты, случайно, или... Не знаю, мать его! Он проверять начал документы, интересоваться новыми «заселенцами». А те – «бек-мек»... И не могут объяснить. Один проболтался, мол, их вывезли непонятно откуда и непонятно куда. Ну и началась кутерьма. Конечно, наши «амерлоки» не признались! А чё было делать, мля? Так вот, «фараонам» можно не отвечать ничё, глухонемые и всё! Пусть в офис дуют! Ну, это... кого заселили в апартаменты блока... Я не пойму ничё! Главное, вроде спокойно вести себя. Внимания не привлекать. Щас-та они там выясняют личности и куда их переправлять. Снова в приют, если регистрации нет! Во, дураки, мля! – засмеялась Марра по-идиотски, развязно, заплясала на месте. – Сигаретки не найдётся, а?

Никто из нас не курил. Сигареты – удовольствие дорогое повсюду! Лучше купить еды, чем вредный дым! Это не только моё замечание, но и Энджи. Она нанюхалась, не иначе, эта чокнутая «марто»! Её, любительницу «ентого дела», специально направляли на сортировку в ту часть помещения, где скучней всего, или где предполагалось «веселье».

Марра провоняла горьковатым табаком и ещё не пойми чем. Успела, видно, исполнить капризы ни одного обкуренного постояльца.

– Вымойся! – скомандовала Энджи недовольно. – Видеть тебя не могу!

– А что ты-ы-ы сделаешь, если я не-е-е? – лениво уточнила она, растягивая слова. – Ну, трахнешь розовым ещё раз... Мор де риер!

В интонациях Энджи сквозила жалость и этакое немного истеричное умиление. Скривившись, она ничего не ответила, отвернувшись к стене. Пробормотав очередное невразумительное ругательство. Марра скрылась в душевой.

– «*Орие* – небеса, *орие* – чудеса!...», – шептала Энджи, шевеля правой стопой.

Грудь мою теснило сильное желание поддержать подругу, поговорить хоть немного, но я чувствовал: лучшее, что следовало сделать – выключить свет. Так и сделал.

Утром нас сначала привезли в клинику на обследование, затем посадили в бледно-синий фургон, где ожидал инструктор, Сэмуэль Марти III или просто Си Эм Тфэд (так он представился). Суть длинных речей и скупых жестов, которыми сопровождал свои объяснения этот холёный мерзавец, заключалась в единственном правиле: подчиняться воле гостей, исполнять капризы «богема». Инструктор назидательно объяснял по-английски правила поведения в новом доме: – Плакать можете, хныкать, скорее... Но не кричать, не сквернословить!

Энджи переводила мне и Марре «ан франсэ».

– Там, наверняка, будут и французы, поэтому... Почтительно общаемся со всеми! – торопливо добавил он.

– Андэстэнд? – спросил Сэмуэль Эм Третий, озабоченно оглядев нас. – Фолоу зе руулз – сэйфти лайф!

Мы ехали на закрытую вечеринку, устраиваемую семьёй крупного японского бизнесмена.

– Ума не приложу... – сказал я сердито и осёкся. Энджи пригрозила кулаком.

Время уходило быстрее, чем вода из пригоршни. Энджи всё планировала, обдумывала, взвешивая шансы «за» и «против». Однажды она, великолепная проныра, умудрилась стащить мобильник и сделать звонок, не в полицию (она там была куплена), а Говарду Краму, во Францию. За свою помощь «начальник бомжей» будет ждать вознаграждения...

По побережью Атлантического океана стелился туман. Подступал зримо, могуче клубясь над тёмной поверхностью воды, заполняя собой окружающее пространство с множеством пустых шезлонгов. Энджи не была суеверной. А вот те двое индусов (я не гадал, кто они точно: индусы, цыгане или индейцы), в приметы верили: и по их приметам «туман по берегу – знак недобрый». Одного индусахватила истерика, и тогда он отвернулся от окошка в фургоне. А второй, стукнувшись лбом о стенку, зарыдал протяжно, как ребёнок. Я бы расплакался тоже, сжавшись в ничто, растворился бы в жарком влажном воздухе, сделал бы что угодно, лишь бы не терпеть такого унижения, что ожидало впереди. Не знаю, как воображала грядущее Энджи? Она весь путь просидела с каменным лицом, не шелохнувшись. А вот Марра, казалось, уже кайфовала от предвкушения «партуза» с «турнэтом», и её глазки бегали, такие ехидные, прищуренные. По-моему, этой шлюхе было всё равно за что получать деньги. На опасливые мысли наводило то, что нам пообещали хороший куш: его получают те, кто вернётся оттуда ЖИВЫМИ!? А кто не вернётся, значит, не соблюдал правила! И никого не волновало ни образование, ни вероисповедание...

В тёмном сумраке неба несколько раз блеснули языки молний. Смыкающимися воротами надвигалась на побережье серая стена густого ливня.

Нас вели по галерее со стеклянным сводчатым потолком. Пахло тут душисто: травой и цветочным ароматом – дымилась жаровня, бронзовая, в восточном стиле. Кое-где на светло-коричневых лакированных стенах (я не знал, как это называется) висели резные щиты с иероглифами. Приглушённое сине-зелёное свечение здесь источали понатыканные всюду маленькие полусферы, закрытые мутноватым стеклом. В конце коридора нас ждал охранник-негр (у них что, мода на темнокожих?) в светло-сером пиджаке: меня, Энджи, Марру и двух индусов, худющих, как трость, чёрно-синих, как струя перепуганной каракатицы. Может, Марра или Энджи попадали в такие шикарные дома, но я не был никогда в жизни, как и двое индусов, похоже, тоже, которые от удивления и охватившего их страха шевелили губами, не говоря ни слова. Мы впятером крутили головами, раскрывши рот и округлив глаза.

– Что будет, Эн? – спросил я взволновано, вполголоса. – Куда ведут?

– Почём я-то знаю?! – качнула она плечами. – Подготовят сейчас, введут в курс дела конкретно, а там – посмотрим.

Струи дождя бесшумно ударялись о стеклянный купол галереи, растекались по желобам и скатывались вниз, исчезая в коллекторе.

– О-хо-хо! – протянула Марра в восхищении. – Здорово!

– Би квайт, ай тэл ю, вотч онли! – предупредил Сэмуэль Эм Третий, пригрозив указательным пальцем, голубые глаза его недовольно блеснули. – Нэу мувз эт ол! Онли сэрэндеринг, ю гона лав ит...

Мы прошли несколько пустых комнат, украшенных фресками. Попали в «античный зал». Здесь на стенах были изображены обнажённые женщины и мужчины, с большими глазами, с непропорциональными частями тела, с губками-париками вместо нормальных волос. По углам на пьедесталах – мраморные изваяния греческих богов, а вдоль стены бежали титаны, сражались воины, разглагольствовали философы и тосковали в одиночестве избранницы героев. И все эти дорогущие барельефы были исполнены не в классическом стиле, как я понял. Во всём чувствовался, скорее, апломб нувориша, нежели благоговение ценителя. Полы, устланные циновками из переплетённых тонких стеблей

сухой травы, заглушали шаги. Зазвонил мобильный телефон, мы остановились. Наш инструктор сосредоточенно заговорил по сотовому, закрыв пальцем свободное ухо.

– Мы, как предметы! – произнёс я с презрением. – На сколько нас отдадут в пользование? Не могли устроить кастинг, набрать народ получше, покрасивее?

Энджи причмокнула и не услышала меня. Она думала о чём-то более серьёзном, наверняка кляла злополучный перст судьбы...

– Перестраховались... – кинула Марра, ещё пребывая во власти шика. – Если что – нас никто искать не будет... Имей ввиду, игрушечный пи...

Я терпеть не мог, когда она меня так называла! А называла часто! Сейчас бы врезал ей по заднице! Если Энджи забавлялась со мной, это не значило, что я – «игрушка». Из-за невысокого роста и худосочного телосложения похож ли я был на игрушку?

– Богатеньким нужно развлекаться, – ядовито добавила она, довольная собой, и своей догадкой. – Купили парочку-другую индийцев, мексиканцев или колумбийцев без рода, без племени, русский подвернулся, кстати... Спроси ещё кто одержал победу над Гитлером, так тебе целую лекцию прочтут, что Америка в Африке спасла Трою и Сталинград!

– Тс-с! – сердито зашипел Сэмюэль, продолжив слушать трубку.

– Скажи «спасибо», что из тебя не органы вынимают и не мучают до смерти! – не унималась Марра. Я заметил с приятным удивлением, что новые условия радовали её, помогая строить речь связно. Впрочем, заметил это не один я, Энджи глянула на неё тоже с иронией.

– Лет'с гэу, – торопливо позвал Сэмюэль.

Заглядываясь на разнообразие украшений, я только сейчас понял, что доносившаяся музыка – не из динамиков: в конце зала играл рояль! Виновника мероприятия мистера Акира Розато-сана было невозможно не увидеть среди этой неоднородности цветов и вещей. В окружении охранников, здоровенных мужчин (белых, смуглых и темнокожих), в светлых рубашках и крепких женщин (азиаток, европейек) в жемчужных блузках, мистер Розато-сан учил свою дочь играть на рояле. Девушка медленно и неуверенно ставила пальцы на клавиши, а мистер Розато, не отводя от неё взгляда, любовался плодами своих трудов.

– Со-о, – наконец повернулся он к гостям в зал, погладив дочурку по голове.

Для крупного бизнесмена из экзотической страны Розато имел заурядную внешность: без излишеств в причёске, обилия украшений на теле и одежде. Темнокожий из Нью-Йорка казался рождественским деревом по сравнению с ним. Он был загорелый и маленького роста. Дужки прямоугольных очков серебристой оправы врезались ему в чисто выбритые виски. Дочка его показалась мне несколько другой: злючкой-капризулей. Лицо у неё бледное, круглое, по-моему, с чуть припухшими веками, как со сна. Видать, дрыхла только что, бездельница-богачка! На лице выделялся маленький рот в капризно-усталой гримасе. Серо-зелёные глаза наглючки смотрели злодейски надменно снизу-вверх из-под тонких чёрных бровей. Презрение к нам она испытывала, точно! Особенно ко мне. Почему-то сразу понял, что именно я ей не понравился с первого взгляда. Надув щёки, как бильярдные шары, она что-то спросила у отца, сохраняя деланное терпение на мордашке. Интуитивно я ощутил тайное отношение этой пигалицы ко мне и грозящие неприятности. И вот это самое дрянное, что нервно задёргалось в девке с первых минут, как рукой сняло с пухлой морды лярву сдержанности. Рыльцеподобное личико тотчас порозовело на щеках, исчезли складочки вокруг век. Отец медленно закивал, взглядом оценивая гостей. Ему, безусловно, понравилась Энджи. Преисполненный сознанием собственной великой правоты, Розато отдал распоряжение нашему инструктору. Поклонившись, Сэмюэль Эм Третий передал нас двум служанкам в малиновых фартуках, мы пошли.

Какими бы манерами, жестами да украшениями эти богачи не обладали, всё равно холодной жестокостью веяло от их «изысканных» душ. Наше годами пережитое горе не умеряло их нетерпимый и увлекающийся нрав. Наоборот, распалило худшие инстинкты. Они были избалованы деньгами и властью, искушены в законах и человеческой психологии, и, судя по фрескам, мнили себя равными богам: искали невезучих бедняг, чтобы власть поиздеваться. Унижение бессловесных рабов казалось им наилучшим развлечением. А может, это было способом рационализировать их собственный глубинный страх перед обнищанием? Ведь тут, в Америке, чуть что, бегут к психоаналитику, а потом творят такое, что Магомету снилось в страшных снах.

Плюшевые обезьянки, большущие, красивые, разные (я таких не видел и в супермаркетах) сидели на рояле в ряд. Казалось, они провожали нас с неммым состраданием, глядя нам вслед грустными чёрненькими пуговками-глазками.

Темнело рано. Пурпурно-золотые лучи меркли на крышах невысоких домов Флориды-бич. Вскоре ночь унылой громадой нависла над землёй, давила душу. Думаю, не только мою. Бархатистый лунный свет дарил нам не романтику, а лишь тревогу, а там, на немногих звёздах, уже родился злой чёрт, который с нетерпением ждал, когда почувствует усладу нашего унижения и страха.

– Сэрэндэрин онли! – зайдя в комнату, где над нами хлопотали служанки, напомнил возбуждённый Сэмуэль. – Ёр-р бэ-эд – май бэ-эд ту!

Служанки суетились вокруг нас, обхаживая, проверяя, глядя, хватая, шлёпая, подкрашивая, подпудривая, нюхая, щипая, обсыпая, придавливая, кропя туалетной водой. Немолодой служанке, назойливо прихватывавшей меня за «нуа» и «нуж», наверное, нравилось наблюдать мою реакцию. Приглаживая краску ладонями, она искоса следила за выражением на моём недовольном лице. Энджи заметила это и поспешила мне на выручку: она предложила ей «пососать губку» здесь, пока выдавалась возможность. «Цирюльница» расхохоталась, отведя маслянистые глаза. Немой ответ её Энджи перевела сразу: «Времени не осталось, а так бы с удовольствием!».

Розоватую набухшую грудь Энджи со вздыбившимися от возмущения тёмно-коричневыми сосками служанка прихорашивала с особым усердием.

Я чувствовал себя униженным и становился болезненно-подозрительным. Неясное напряжение выдавливало слёзы на моих глазах. Сердце сжималось от смутного страха. Меня, как проклятие, съедала обременительная потребность в искренних отношениях.

– Эн... всё будет хорошо? – спросил я с большой надеждой, дрожа, не в силах сдерживать слёзы.

– Будет потом, Артиш, обязательно! – согласилась Энджи с видом такой очумелой уверенной чувихи, будто бы в круиз отправлялась на самом безопасном и лучшем авиалайнере. – «*Орие* – чудеса, *орие* – небеса. Нам соблаговолит удача. Приключения нас ждут!»

Подруга Эн будто бы договорилась со своим терпением.

А вот индусы были в полной растерянности: проводили ладонями по своим лбам, груди, бормотали что-то. Молились отчаянно Будде ли, Кришне, Кали, Яме, или другому их местному богу, игнорируя Христа. Впрочем, и Каму не поминали...

– Мля, достали! Смешно! – ворчала на них Марра и, конечно, не скупилась на ядовитые намёки.

– Лет'с го! – позвал Сэмуэль строгим тоном.

Под конвоем троих грузных охранников нас, полуголых, впустили в прохладный зал, полный задушенных ароматами гостей в масках, облачённых в средневековые оборчатые одежды, словно собравшихся на «выставку искусства перформанса». Атмосфера зала наполнена запахами свежих фруктов и ядрёных напитков. Лёгкая музыка, которую

выпиливали из своих инструментов «менестрели». Они наигрывали тихо, словно закрывши глаза, дабы не перебивать мажорами мирные разговоры гостей. Негромкие восклицания вроде «Кетте белле вианде!» говорили мне, что гости умело подогреты обстановкой живого вернисажа, нарастающим интересом к обнажённым разносчикам лакомства – слугам, разукрашенным золотистой и серебристой краской.

– Гуляй, где угодно, но далеко не уходи, ни на кого дерзко не смотри! – волнуясь, мне посоветовала Энджи. – Расслабься, научись получать удовольствие... свободный человек.

В словах Энджи обычная смесь предрассудков преображалась и обретала зерно здравого смысла.

Гости старательно изображали «высший свет», соответственно обстановке этакого «средневековья вообще» – не французского, не итальянского – рассыпались друг перед другом в изъявления подобострастной учтивости. Первое время они почти не смотрели на нас, разгуливающих между присутствующими. Слушая музыку или какого-нибудь нового знакомого, метали в нас – раскрашенных, полуобнажённых – быстрые, и порой стыдливые взгляды. Многие, наверное, с трудом вживались в образ «владельцев людских», оттого и старались занять себя болтовнёй или просмотром предлагаемой видео презентации. Но они стремительно заливали в себя алкоголь и шептались. Пышногрудые мексиканки начали незаметно пропадать – гости отлучались с ними в комнаты.

Взгляды, хитрые, вожделенные, пакостные, злые, уже поедали меня и Энджи. Бродя по залу, я старался выбирать такой манёвр, чтобы непременно встретиться с Эн. Удавалось. Улавливая мой настороженный взгляд, она отпускала короткие советы: «Попроше! Повиляй ягодицами! Пусть тебя заметят!» или «Предлагай угощения, опускаясь на колени!».

Милая желала поскорей убережь меня от этого народа, скрыть, пусть даже с одним странным и неизвестным человеком. Энджи!!! К её властному терпеливому стремлению, к одной ей видимой светлой цели примешивалось желание пожертвовать собой. В глубине я чувствовал это и гордился ей. Внутри я пытался обрести живительный покой, который успокоил бы и подругу.

Но изрядно набравшись, уже появились те, кто планировал позабавиться моим смятением. Панически отдаляясь от них, бормочущих, мерзко улыбающихся и колющих меня взглядом, я, наоборот, лишь больше привлекал внимание хищников. Ускоряя шаг, дрожа, я смутно представлял себе их намерения: кару с безумным ожесточением. Нет. Резать, пилить или рвать меня не собирались. Не такие они были ещё безумцы, кажется. Но служить, как сказала Марра, «игрушечным пи...» было равносильно мукам Чистилища.

– Кам хиэ, бой, – поманил пальцем большой, высокий и пузатый негр в красно-белой шапке, связанной точно из каната. – Гив ми бэст уан.

Я поднял поднос выше, оперев взгляд ему в грудь. С подноса этот гадкий «бунюл» ничего не брал, только пялился на меня испытующе, улыбался, блестя белыми крупными зубами, точнее, драгоценным камушками в них. Я невольно обернулся в поисках спасительного взгляда Энджи. Но, как бы судорожно я не искал, поддержки не нашёл. Проведя кончиками грубых пальцев по моему подбородку, негр медленно, насильно повернул моё лицо к себе. Он любовался моим дрожащим и влажнеющим взглядом.

– Вис ми! – с акцентом приказал негр, отрубив у сигары кончик «мини-гильотиной».

Ловко забрав у меня поднос, темнокожая служанка направила посуду на стол с табличкой «Dirty dish». Откуда ни возьмись, у охранника очутился в руках поводок. Надев ошейник, он повёл меня в коридор. Я шёл неуверенно, капли пота, скатываясь по коже, оставляли в краске на боках длинные дорожки. Ноги мои подкашивались, а в груди, испуганное, колотилось сердце. Я пытался вспомнить советы Энджи и представить её

бравый и яркий образ (конечно, она бы не выручила, но мне стало бы на чуточку легче). Вот-вот, ещё немного, и я заметался бы, проклиная всех и вся!

Запустив меня в комнату, нигер закрыл дверь на щеколду. Ого, ну и огромный же был он! Ещё немного ему роста и он бы «канатной» шапкой упёрся в потолок. Неторопливо раздевшись до плавок, негр взошёл на кровать, улёгся на спину и жестом руки в золотом браслете отправил меня в ванную комнату. Но только я оказался внутри, и хотел было по привычке закрыться, негр вскочил и оттолкнул дверь. Он был уже без плавок. Чтобы легче снести экзекуцию я всё же представил, что со мной не какой-то потный боров, а покровительница Энджи. Однако разница между ними была огромная...

– Данс фор мэ-э, – сказал он, покрутив своим мощным невероятно широким тазом.

Отвернувшись, я понял с омерзением, что должен танцевать, а если не танцевать, то хоть имитировать. Но вдруг ощутил сильный шлепок по ягодице, подскочил от боли!

Я всхлипывал, лёжа на животе на кровати. Ещё минуту, а может час назад, я леденел от переживаемого позора и готов был выть. А сейчас мог спокойно поваляться, пока негр занял ванную и напевал там что-то.

– Ха-р-ю, – вернулся он мокрый, умиротворённый. Улыбался так легко и широко, будто выходил на прогулку в сад, а вовсе не мучил никого. Упав на кровать, он продавил её весом – вонючий «бунюл» – так, что я буквально скатился в его объятия.

Эти люди с бездумной жестокостью копили презрение, как деньги, и готовы были терзать нас возможными и невозможными способами. Ими руководило затаённое желание унижить «безродного», «сбить спесь», наказать за стойкость, за чуждую и враждебную веру. Как велика тлетворная сила вседозволенности, которую накопили они, богатые гости мистера Розато! Заставляя нас играть роли, донимая разными дурачествами, которые мы обязаны сносить с невозмутимым спокойствием, они забыли о Божьей каре... Рыдая в этот день, опозоренный, больной (наверное, не только один я) в мыслях восставал против пошлой, отравленной атмосферы, в воображении принимал обличье самого страшного палача и неслышно выступал против низких помыслов и унижительных компромиссов.

Сумасшествие, в сущности, акт бесконечно возобновляющегося неверия в себя и в окружающих. Сумасшествие моё в этот день имело грациозную и упругую силу, и воспользоваться ей мог сегодня кто угодно.

Не знаю, почему я так решил, слушая усталый голос засыпающего негра и чувствуя его горячую грубую руку на своих вспотевших ягодицах. Я спал и видел Энджи, которая, благодаря хитрости – той самой, грациозной и упругой, инопланетной – обзавелась мобильным телефоном и позвонила Говарду Краму. «Начальник бомжей» выслал специальную бандероль в США: коробку не простую, с тривиальной доставкой на дом, а такую, чтобы адресат забирал её с почты по предъявлению кода. Один, два, три, пять... «*Орие* – чудеса, *орие* – небеса...». Из человека в грязных обмотках и с мутными глазами «вразбег» Крам превратился в стрелу – большую, металлическую, поворачивающуюся по ветру. Дул ветер с океана – Крам показывал на материк, дул с материка – Крам поворачивался на океан и каждый раз говорил громко, и, теперь по-русски: «Ориентируйся правильно!». Один, два, три, пять... Крам считал на английском, это я знал точно...

– Вэйк ап, диэ, – разбудил меня Сэмюэль, это он считал... – Джаб из вэйтин.

Ещё немного и нас вернут в апартаменты, где будет вручено достойное (так нам пообещал инструктор в фургоне) вознаграждение!

Но настоящие испытания меня ожидали впереди...

Действительно, через два дня меня и *одного* индуса возвратили в наши тихие трущобы на окраине Нью-Йорка. Усевшись на мягкий линолеум, прямо на пол, мы долго молча глядели с ним друг на друга, не в силах заговорить. Ни я, ни индус не верили, что вернулись. Потом разом встали и подошли к столу. На столешнице лежали баксы, стянутые в трубочки разноцветными резинками. Пять рулончиков денег, по одной на каждого: для меня, Энджи, Марры и двух... постойте, ведь вернули лишь двоих. Неужели остальные *не выдержали*? Их что, замучили, отняли органы? Я знал от Энджи про еврейских хирургов, наживавшихся на этом в Югославскую войну. В США тоже наверняка существовали подпольные медучреждения, которые платили определённые суммы, чтобы выкрасть здорового человека, вынуть из него органы и продать калекам. И бизнесмен, господин Розато, вероятно, как-то связан с американскими врачами-изуверами.

– Это что такое? – я взвыл, терзаемый жутким страхом от мыслей, что меня вскоре тоже заточат, чтобы сделать донором.

Дверь была не заперта. Водитель, наверное, специально оставил её открытой. Я мог спокойно потратить свою премию, закупить вкусности и всяких нужных вещей. Я посчитал: там было ровно триста долларов – небывалые деньги для меня! Но как быть с долями Энджи и Марры? Их деньгами? О чём я думал, корыстный, предатель?! Укоряя себя за скверные мысли, я наблюдал за индусом. Парень тоже решал: забирать «ничьи» баксы или пока нет. Наконец, поддавшись искушению, он взял ещё и вышел из дома.

– Предатель! – процедил я.

Не знаю, насколько ему досталось на «вернисаже» – ни синяков, ни ссадин я у него не увидел. Может, индус никому не понравился? Может, он так и бродил между гостей, услуживая? Хотя нет, он бы тогда не выглядел обиженным, его толстые губы не были бы сжаты так плотно. Но мне-то легче не становилось. Стоило закрыть глаза или обратиться к памяти, как с болезненной точностью воскресали в голове противные образы недавних событий. Скорее всего, чёрный извращенец проговорился, и кое-кто решил проверить достоверность его фантазий. ЧТО только со мной не вытворяли на глазах у собравшихся... Всклипывая (слёзы попросту кончились), я безропотно переносил унижительные грубости. Ни Энджи, ни Марры в зале не было.

Тщательно вымывшись с огромным количеством жидкого мыла и шампуня, я всё же не смыл мерзость произошедшего. В зеркало мне было противно на себя смотреть. Ну и вот: я купил разного мороженого, кока-колы, шоколадок, чипсов и всякой всячины, которая привлекала взгляд пестротой обёртки и знакомой маркой – за всё это вместе взятое не стоило унижаться. Закидывая в рот чипсы и шоколад, я лежал на полу в комнате, жующий от горя, плачущий от стыда. Заглянул индус, тоже жующий, заметно успокоившийся, и некоторое время смотрел на меня внимательно, не разделяя и частицы моего позорного горя. Если бы он вдруг сейчас стал издеваться надо мной, повторяя всё, что случилось ранее, то я бы и не защищался – настолько я оказался одиноким в этом гигантском мире зла, обезоруженным, слабым и ничтожным без моего ангела.

Поняв, что Энджи и Марра не вернуться, я зарылся в подушку. Засыпал плохо. Шумело в голове, а мне казалось, будто слышу голоса призраков. Быть может, причиной послужило переедание? Но голос тот я слышал отчётливо: он доносился не то из-за валика свёрнутого пустого матраса Энджи, не то из-за окна. Со мной говорили вежливо-покровительственным тоном. Сначала слышал как свистящий шёпот, будто голос Энджи, предупредил, мол, оставаться здесь нельзя, и покидать «вот так вдруг и внезапно» трущобы тоже нельзя. Затем, кто-то, хихикая, словно глупая мартышка Марра, предложил предоставить «копу попу». Это было проще всего: справедливая полиция США как нельзя лучше позаботится о сироте, которого приютил «кукловод».

– Отвалите! – крикнул я злобно в черноту забвения. Как будто некто собрался довести меня до белого каления, до безумия, заставляя слушать неслышимое. И верно, сейчас ОНИ сведут меня с ума, а потом отдадут в лабораторию, где и вынут органы, изверги! Надо держаться, очень надо!

Я испугался, что мой крик был услышан, что войдут охранники и мне не поздоровится. Но дверь открылась, и, без стука, торопливо ступил в комнату индус. Он пошарил вокруг, словно надеясь отыскать, кто тут со мною говорил. Но никого не увидел, как ни присматривался к пустым матрасам, щуря глаза в полутьме. Его вспотевшая гладкая кожа блестела на груди и на плечах, отливая иссиня-серебристым светом. «Потанцуй!», – приказал он горячими устами Энджи. От него исходила такая невиданная завораживающая сила, что я не смог не подчиниться. Встав, я начал медленно танцевать, покручивая бёдрами и шевеля ягодицами, словно стриптизёр. В груди дрожала сладкая струна – я наслаждался... уничтожением. И только поддаваясь ей, в бреду, я мог освободиться...

– Йоу! – кто-то свирепо тряхнул меня, отбросив одеяло, и я проснулся.

Утро. Работа.

– Ты был у меня ночью? – спросил я с отчаянием в голосе, как будто индус понимал по-французски.

Индус улыбнулся и кивнул, но, похоже, тем самым ответил не на мой вопрос, а на реплику водителя.

– Чёрт с вами! – решил я. – Будь, что будет.

Нас двоих доставили на прежнее место – на фасовку порошка. Без Энджи тут скучали. Надсмотрщик негр за столом сидел один, глядел тоскливо, нахмурившись. Перевешивая свои блестящие бряцки с вещи на вещь, с одной стороны одежды на другую, он вздыхал.

– Кам он! – оживился было негр, стрельнув глазами в меня, затем в мексиканку. Но оценив, что я не покажу мастер-класс по «обработке» горячей темной кожей девушки, снова приуныл. – Вэт а фак?

К нему вели избитого полуживого китайца. Вот и славно!

Для меня все люди с узким разрезом глаз являлись китайцами, но теперь я увидел в «косом» сородича господина Розато. Беглеца посадили на стул и продолжили мутузить, пытаясь ещё с ним говорить. Избиением негр не удовлетворился. Оставив того на развлечение двум мордоротам, обратился ко мне:

– Вэз ши? Самбади нид мэйтин!

Энджи? Энджи пропала! Мне стало горько, слёзы хлынули.

– Её забрали на... не знаю куда, во Флориду... – глухо запричитал я по-французски.

– Хей, хей! – примирительно поднял негр руки в кожаных перчатках, стёсанных на косточках. – Стап ет!

Наконец, найдя силы, я переключился на работу. Но негр звонил то одному, то другому, выяснял где «бой-баба», он мусолил имя «Энджи» каждый раз, когда набирал чей-то номер. Никто не знал, куда пропала моя подруга.

А сердце моё леденело от неизбывного презрения и ненависти к людям, отнявшим у меня ангела-хранителя. Я дёргался и «накосячил», просыпав порошок, за что схлопотал от негритоса свирепый пинок по мягкому месту.

Под стук ливня и дикие раскаты грома мы вернулись вечером в пустые трущобные «апартаменты». Разуваюсь, я заметил знакомую обувь – сегодня утром её не было.

– Эй, ты не раскис, надеюсь?! – улыбнулась прямо в лицо мне... Энджи!

Я не поверил глазам, решив, что свихнулся, и меня преследует привидение из сна. Но к счастью, милая Эн действительно явилась во плоти! Я скакнул к ней в объятия, всхлипывая, безудержно залепетал:

– Думал, тебя нет, вытащили органы!

– Дурашка-Артиш! – покачала головой Эн. – Навыдумывал со страху...

– Что разнылся? – недовольно спросила Марра. – Мамочка пришла. Нас оставили на время, обговорили дела.

– Ого! – удивился я приятно. Вращение «ромашкой» в кругу богачей пошло Марре на пользу, она лучше связывала слова.

– Чо «Ого!», не зажал наши деньги! Молодчина! – она хотела было погладить меня по голове, но я увернулся.

Отпустили и второго индуса – с подтёками на лице и заплывшим левым глазом. Ему досталось незавидно.

Энджи и Марра купили выпивки, приволокли три здоровенных бутылки с вином. Три галлона. Взяли и отличной закуски. Индусы в этот раз «затусили» с нами.

– «*Orie* – небеса, *orie* – чудеса...», – Энджи в подпитии напевала те же слова, только под другую музыку. Негромко мурлыкал купленный Маррой на распродаже радиоприёмник.

Мы танцевали вместе, не в такт, не в лад – каждый по-своему. Выпивали, спьяну болтали неразбериху, хохотали, куражились. Марра обнималась и шепталась со всеми. Сначала с первым попавшимся – худым и длинным индусом, потом со мной, затем со вторым индусом. Энджи отстукивала ритм руками по коленкам, шептала песню, но её лицо было помятым и каким-то ласково чувственным. Эти болезненные черты хранили неизъяснимо печальное выражение. Вдруг она трогательно посмотрела на меня снизу-вверх. Ох, как мой ангел похудела! Я только сейчас заметил: по ремню, штанам и футболке... Может, показалось? Всё-таки три бокала вина – много! Язык мой ели слушался, отяжелело тело.

– Артиш, иди за мной! – мотнула Энджи головой.

– О, соколы мои, голубятня занята! – расхохоталась пьяная Марра, обнимаясь с индусами. – Предложили бы пописать, вдруг, кто хочет!

– Юн оказъен де буявё, са не се рефюс па! – отбрила её Эн.

Мы закрылись в ванной комнате.

– Прости меня! – взмолилась Энджи пьяно, и заплакала. Я смотрел, как слёзы текли по её щекам.

– Ты что, Эн! – испугался я. Муть сразу спала с моих глаз. Никогда ещё моего ангела не терзало раскаяние. Мне показалось, что если на её лицо не вернётся строгое выражение, то Вселенная взорвётся, исчезнув навеки.

– Прости, прошу тебя! – повторила Эн, вымученно улыбаясь. – Можешь отомстить, отыграться! Я знаю – ты можешь! Чувствую...

Мы иногда уединялись в ванной комнате, я привык, что Энджи сначала как бы мстила мне обвинениями, а потом принималась сладко истязать. Но тут покровительница сама превратилась в рабыню, виновную и ждущую наказания. Это было непривычно, и странное ощущение родилось внутри: с исчезновением этой прежней её жажды терзать меня, казалось, исчезну вот-вот и я сам.

– Перестань, Эн! – попросил я отчаянно. – Что случилось?

Она была смущена и не пыталась это скрыть, но слёзы какой-то странной радости выступили на её глазах. И, не смотря на эту противоречивую видимость, я верил: по-прежнему неукротимой силой воли будут направляться все дальнейшие её мысли и поступки.

На мой вопрос Энджи, прикусив нижнюю губу, и вложила в мою руку смятый листочек:

– Прочитаешь это через три дня, не раньше.

Метнув испепеляющий взгляд, она ещё раз внушительно запретила мне разворачивать записку раньше времени. Приказала спрятать её, приколоть на булавку к одежде, к внутренней стороне.

– Спрячь! – обнимая, в сердцах сказала Энджи. Она даже передала мне булавку. И подарила фонарик, тот самый, что передал когда-то ей Крам.

Утром нас разбили на группы. Куда это годно? Меня снова отправляли с индусом! Я хотел закричать на водителя, вытворить такое, чтобы тот понял все мое негодование! Почувствовав моё смятение, Энджи покачала головой.

– Увидимся, не скучай, – только и произнесла она обычным насмешливо-спокойным тоном. А я с горечью осознал: ни сегодня, ни завтра мы не увидимся. И упрекал себя за эту ужасную догадку.

Мир, как ненасытный хомяк, сначала накапливал, а затем, питался крохотными семенами истины и, подобно кровожадному демону, изрыгал сплетения лжи. Новый день не принёс защиты от *зверя*, владеющего судьбами таких людей, как мы. Что мы – я, Энджи, Марра, остальные – отдали взамен свободы? Ради жизни под крышей, с горячей водой и пищей? Собственную душу! А ведь была у нас другая жизнь, бродяжническая, не знавшая однообразия. Нам не было ведомо, что случится в ближайшую минуту, и мы жили настоящим. И теперь, познавая вкус житейской предопределённости, я понимал – радостью нашей стала бездумная покорность течению, повиновение рабовладельцам. Отдаваясь воле капризного случая, я снова не видел разницы...

Но в глубине души я хранил, как в недоступном и неприкосновенном тайнике, искру надежды на то, что однажды проснусь, и не буду страдать.

– Хаз ит гоин?

Я сразу не понял, что обращались ко мне. Ещё минуту назад эта немолодая азиатка по имени Миока кому-то там возражала по телефону на своём «утя-тю» с такой напыщенной гордостью.

– Ай эм о'кай! – ответил я одной из заученных фраз.

– Пур, бой! – она гладила меня по голове и щекам, тискала на диванчике, словно мишку Тэдди. – Хау олд а ю? – спросила Миоко с удовольствием, демонстративно пошевелив пальцами, сверкнула золотыми кольцами.

Простые вопросы на английском я знал. Тоже показал на пальцах. Столько, столько, и так... Было мне немного. Похоже, мой возраст и заводил эту странную женщину, наряженную героиней японского мультика, которой она включила на здоровенном экране в комнате. Пренебрежительно свистнув, Миоко вдруг изменилась в лице. Её узенькие, лукавые, подведённые ярко-фиолетовым, глаза улыбнулись, на белые щёки, покрытые толстым слоем пудры, напозли морщинки. В стенном шкафу у хозяйки дома имелось множество замысловатых вещей для развлечения с такими хрупкими и застенчивыми «осуко», как я. Пожалуй, я был ей благодарен: что бы она ни проделывала со мной, всё это было с ласковым задором.

Вернули меня под вечер, без лишних слов, как сдувающуюся резиновую куклу. Хорошо, что доставили хоть ко времени позднего ужина. У водителя по имени Чак это получалось редко. Тогда же привезли и индуса, того, длинного, с подтёками. Ого! Я

заметил, что у него ссадины удивительно быстро зажили: остался лишь чуть заплывший красноватый глаз.

Неоновая реклама этой ночью не донимала. В комнате царил мягкий полумрак, рассеянный светом полной луны. Ветер за окном трогал листья на высоком дереве, и они чуть слышно трепетали. Но затем он усилился и дерево, сгибаясь под порывами, надсадно скрипело. Портилась погода, наверное, близилась осенняя пора. Здесь, в этой части США, было не разобрать, когда приходила осень...

Я снова перечитал записку Энджи. Три дня, конечно, не прошло, но меня уже замучило нетерпение. Только со второго раза я постарался вникнуть в сказанное, попробовал её осмыслить. Читая, заново и медленно, я ощутил прилив той самой энергии Энджи... Гигантская душа Энджи внедрялась в мою душу, маленькую, раздвигая границы моего слабого существа, своим, сильным и всеведущим, превращая меня в радостного исполнителя его воли...

Письмо было написано почерком, крупным, но старательным, с аккуратными расчерками вначале и в конце сообщения:

«Послушай, Дурашка-Артиш! Не знаю, когда они придут и начнут тебя допрашивать, но ты ври! Ты ведь ничего не знаешь, в самом деле?! Я тебе не говорила нарочно... Полицейские будут стеречь этот дом, но дня через два: раньше не получится мне предупредить стражей. НЕ ПРЕДПРИНИМАЙ НИЧЕГО, даже если будут угрожать неизвестно чем! Ты – малолетка! Довольно миленький, с красивой мордашкой и попой, поэтому вряд ли тебя убьют! Падай на колени, моли о пощаде, рыдай, вызывай жалость! Запомни адрес гостиницы, куда ты должен будешь добраться. Номер забронирован на вымышленную фамилию Локсли, документы предъявлять не обязательно, можно, по-моему, назвать на ресепшине один код...».

Последние строки я читал и вовсе с противоречивым чувством, недоверчиво. Приводились адреса частных ночлежек и мест, где выдавали шмотьё и еду. Затем, каким-то наивным бредом казались они, обещания Энджи...

Запомнив код и адрес, я сразу утопил записку в туалете – так Энджи приказала поступить в письме. Дорога до Лос-Анджелеса не близкая. Добираться на другой конец США пешим ходом решится лишь безумец. И что за бронь? Кто помог Энджи? Может, друг сошёл с ума? Моё сознание мутилось сомнениями как вода илом со дна, взбудораженная шальными ногами. Голова закружилась.

– Энджи, приходи ко мне! – попросил я шёпотом, вздохнув. – Мне плохо без тебя. Побудь со мной!

Сзади послышался вздох, будто ответный, горячий и нетерпеливый. Я упорно старался воскресить в себе то, прежнее, влечение, вызывал душу Энджи – умиротворенную, сильную, закалённую долгим одиночеством. Я видел её, фасующую порошок, гипнотически подчиняющей богатых людей, управляющей бездомными, сладко мучающей меня и многих других, таких же неопытных мальчиков, и каждый раз она знала, что я смотрел на неё и любил искренно. Смутные видения, как тени, проплывали вокруг и приносили душевное удовольствие. Со вздохом облегчения погрузился, наконец, я в поток этих сладостных мимолётных ощущений. Кто-то медленно прилёг на матрас, коснулся грубыми пальцами моего живота. Пощекотав, провёл по бедру, через плавки пощипал ягодички... Так здорово! Меня пронизывало радостное волнение и прикосновения отзывались сладостным замиранием в груди. Я не поворачивался – не хотел обмануться, представлял образ родной Энджи. Но затем этот кто-то спустил мне плавки, и попытался сделать больше... и тут я испугался, повернул голову... Прямо в упор, на сине-чёрном лице сверкали глаза индуса...

– Пшёл вон! – закричал я в полный голос.

Соскочив с матраса, индус мигом убежал, тоже испугавшийся неожиданного крика.

Утром приехала легковая машина Чака. Он забрал индуса, а мне просто махнул рукой и улыбнулся. Я остался один, забытый, брошенный на произвол судьбы, со своими мрачными мыслями, догадками. Скорей бы всё началось и закончилось! Включив телевизор (с тех пор как я прибыл, ни разу его не смотрел), на первой попавшейся программе, увидел дымящийся дом. Скорее всего, их было несколько, соединённых каменными коридорами. И каждая постройка испускала свинцово-серые огромные клубы дыма. Сердце кольнуло и застучало сильнее, жаром обдало всё тело. Как ливнем мостовую, тревога хлестала мою душу, тело продёрнуло холодным потом. Причина же моего собственного волнения и дурного предчувствия оставалась мне неизвестной.

Вырубив idiotский телевизор прямо из сети – век бы его не смотрел, – я лёг и заснул.

– Йоу, бай, афтэ ми! – громко позвали меня.

Этого водителя, запакованного в джинсовый костюм, спрятанного за тёмными очками, я не видел раньше, потому равнодушно последовал за ним. Ехали долго, может часа два.

«Попросить остановиться и рвануть куда глаза!», – забила мысль в моей голове. – «Нет-нет, Энджи не велел так делать. Дождусь...».

Водитель остановил машину, купил мне «Биг-мак», картошки фри, порцию нагетсов и кока-колы. Нет, кажется, не подсыпал в банку ничего.

– Иньджой, бади! – подмигнул он и продолжил путь.

Надо же, он вправду вёз меня на допрос! Я не знал наверняка, но почувствовал неладное, когда, съев гамбургер, вдруг поперхнулся любимым напитком, а потом скрутило живот от волнения. Отчасти об ЭТОМ заикался водитель, хотя он старался вообще не смотреть в зеркало, чтобы ни в коем случае не поймать мой вопросительный взгляд.

Мы приехали лишь после обеда, когда солнце стояло высоко и пекло нестерпимо. Место допроса выглядело как свалка контейнеров, составленных один на один и стянутых замысловатой конструкцией: жёрдочками, мостиками, деревянными и металлическими лестницами. В этих контейнерах-домах – железных коробках, будках – жили люди. Они сушили бельё на верёвках, протянутых от одного контейнера к другому, сидели на бочках, на ящиках, на скамейках, оживлённо болтали, пили, ели, играли, запуская воздушных змеев или балуясь радиоуправляемыми моделями. И не один из них не поднял глаза, когда водитель крепко схватил меня за руку, чтобы я не вырвался.

– Би гуд, бой! – посоветовал он.

Толкнул внутрь контейнера, затворил снаружи. Моя участь была определена: замучают на кладбище железных коробок, в которых живут люди, равнодушные к чужому горю! А пару часов назад манил ещё свободой большой город, крыши и стены которого темнели в лучах солнца. Стоп! В этом жарком и тесном пространстве с маленькими окнами, я просто терял самообладание. Ничего со мною не случится: Энджи обо всём заранее подумала и предупредила!

Жужжали мухи в солнечных лучах, проникающих внутрь помещения. Если я и не сошёл бы с ума от жужжания этих чёрных точек, то сварился бы заживо на пустом и грязном полу. Раздевшись догола, я ощущал, как пот стекает с меня ручьями. Ветерок, каким-то чудом проникавший в мой закут, приносил снаружи запахи мочи и гниющих пищевых отходов. Я не кричал, хотя всё существо моё рвалось на волю, предчувствуя приход палачей. Вспомнив, что полиция будет следить за трусобами, я разволновался. И не выдержал: завопил, стал стучать по стенкам, проклинать Америку. Не помню, как случилось, что потерял сознание. Наверное, это было и к лучшему.

ОНИ пришли скоро. Два человека. Один облил меня водой, прохладной, из бутылки, а другой угрожал, вытащив кошмарный, весь шипастый и крючковатый охотничий тесак, каким снимают шкуры. Я задышался от рыданий, молил о пощаде, падал на колени. Тот, второй, негр-мордovorот, допытывался с гневными раскатами в голосе, где «бой-баба» и что та сказала мне. По-английски я говорил плохо, а мой французский они не понимали. Сколько времени прошло?

Били они несильно, больше пугали, орали в ухо – им, крутым бойцам, было противно сознавать, что пытаются ничтожного доходягу. Издевался один, а второй только наблюдал, а потом они о чём-то спорили. После отчаянных, но неудачных попыток вырваться, у меня пропали силы, пол внезапно ушёл из-под ног. Утомились на жаре и мои истязатели. На некоторое время изуверы покинули контейнер.

Терзаемый мучительно-сладкой мыслью, что воссоединюсь с Энджи в этой жизни или в следующей, я решил: будь что будет!

Ночь прошла в ожидании близкого конца мучений. С ощущением холодных мурашек, страстно напрягая волю, я, наконец, вспомнил, что должен жить.

Искры безумия угасли в глазах моих мучителей: вот-вот «живодёры» уйдут, закрыв меня навеки в контейнере.

– Энджи'с ноут... хоум... я нот рид инглиш вел! – произнёс я, слабо шевеля губами, болела подбитая скула. Чёрт побери! Либо я дьявольски поглупел, либо стал чертовски умным, и тумачи с ором активизировали мозговую деятельность. Понятное дело, что записки Энджи не найдут. Но что, если и полиция не подоспеет вовремя? Изрежут, изрубят тесаком и заруют на заднем дворе! Мой воспалённый мозг толком не соображал, я почти забыл, о чём предупреждал мой сердечный друг. Оставалось потянуть время, оставалось поглядеть на палачей с видом раскаявшегося засранца...

Они догадывались о подвохе, но им нечего было терять. Какая разница, где пришить меня?!

Что сделала моя Энджи? Не подчинилась, ударившись в бега? Спланировала облаву на «Самого»? ФСБ, обложившая трущобы мистера Филдинга, арестовала двоих неизвестных, которые вряд ли кого-то сдадут.

Пользуясь моментом, я незаметно вышел через задний двор. Беглецов, вроде меня, люди Тони Филдинга обычно ловили и наказывали, но сейчас это меня не заботило: не до меня им. Оказавшись на улице, я попал в *родные условия*. Никто и ничего от меня не требовал и не имел власти надо мной. Я помнил адрес и воскрешал в мыслях образ милого ангела хранителя, моего *ориентира* Энджи. Я удирал, нырнув в прежнюю жизнь. Меня вела блаженная уверенность, разлитая в дивной полутьме рабочих улиц пригорода. Я доберусь в тот Город Ангелов, найду указанное место и увижу подругу. С беспечностью уезжающего я отправлял последнее «прощай» этим высоким и низким домам, махал рукой пёстрым магазинам и улыбался не простым с виду бездомным. Эти «стрит файтеры» – «уличные бойцы» отличались от родных «кэсёрз», хулиганов. Бездомные в США были крупнее, уверенней. Чувствовалась в них хитрая сила. Скорее, они являлись переодетыми в бомжей аборигенами, у которых имелись касты... И городские территории, управляемые кланами, для муниципальных полицейских были враждебны, как оккупированная страна... Ха-ха! Заросшие туземные бомжи, «шарклю», поделили города на сферы влияния!

«Йоу, мэн!» – так бездомные обращались ко мне на улице. В основном я встречал их в переулках или возле дешёвых закусочных, в закутках. Обращались не просто так, а проверить: они смутно чувствовали во мне бунтарскую душу, каким-то шестым-седьмым

чувством знали, что я – это они. Некоторые знали слова по-французски, а другие – по-испански, по-немецки.

Им было знакомо ощущение потери: когда друг, который жил с тобой, которого ты видел каждый день и к кому невнимательно относился, уходит и не возвращается. А потом остаются лишь воспоминания. Поэтому, одни пытались уговорить меня остаться с ними, вторые – заставить силой, третьи – принудить обманом.

Они жили в ночлежках, со входа похожих на заброшенные склады или свалки, но внутри – таился мир иной – придуманное владельцами убежище от современной несправедливой неправильной вычурности, от желания подчиняться канонам, от стремления быть как многие. Обитатели картонных убежищ, в основном негры или «латинос», сильные, добрые, странные, знающие цену себе и своим услугам. Когда я не мог добывать себе пропитание и убежище, приходилось полагаться на кого-то.

Набравшись терпения, я продолжал путь и поиски подруги. Обитатели ночлежек принимали меня, охотно выслушивая – слушали и те, кто не понимал французский – интересную, но сбивчивую историю злоключений «русского француза» в США. И никакие трудные жизненные условия, никакая беспросветность нищеты, не мешали мне увидеть их веру в лучшее будущее в этих болезненно-прекрасных картинах – в домах, созданных с помощью воображения и случайных находок. Несмотря на безрадостность быта, они мечтали, как и я, вырваться в один прекрасный момент из ужасных лап неудачи и разбогатеть, осуществить свою «американскую мечту». Поддавшись оптимизму этих нищих людей, я запел, отстукивая по коленкам так же, как в последнюю встречу Энджи: «Орие – чудеса, орие – небеса. Нам благоволит удача. Приключения нас ждут!».

«Орие, орие, пам, пам, пам...», – вдохновенно подхватил мотив хозяин-негр, один из тех, приютивших меня. «Вандефул кэ-туун!», – негр оживился, его большие выпуклые глаза загорелись, он указал на телевизионный приёмник на батарейках, с торчащей антенной.

Я догадывался, что эта песенка из кино или из мультика. А теперь узнал точно! И радовался, что вспомнил об этом не в апартаментах рабов, а именно здесь, рядом со странным и даже угрожающе некрасивым, но свободным и дружелюбным чёрным человеком.

Узкая полоска лунного света проникала сквозь окошко, затканное, не лоскутами драной материи, а вполне себе цельной тканью. Пламя, лизавшее чёрную пасть очага, рассыпалось роем золотых искорок-звёзд. По фанерным стенам, украшенным находками со свалок, скользили причудливые силуэты. И хоть луна вечным скорбящим ликом смотрела на меня в прореху шторы, а его прикосновения вызывали гадливость, я научился контролировать чувства, создавая желанные образы и вызывая нужные мысли.

Не все живущие в импровизированных бунгало являлись по-настоящему обиженными жизнью. Многие вели босяцкую жизнь только ради извращённого удовольствия, поработав других бомжей, как бы отыгрываясь на более «слабых». Таких я распознавал сразу – по наглому взгляду, по угрожающему выражению лица. Особенно явственно так свои желания проявляли негры. Чёрт побери, мне везло на «чёрных»! Не проходило дня, чтобы я не поймал этаким вот повелительный взгляд «даба», чёрного как смола, наряженного в тряпье. Они сразу требовали повиновения. Первое впечатление о добродушном хозяине нередко было обманчиво. Стоило им приютить меня, как некоторые раздражались ядовитыми упрёками, смысл которых я понимал частично. Ими – конечно, не всеми – руководили корыстные соображения. Одиночество и за годы накопившийся гнев всё-таки давали брешь, и человек не сдерживался, мог осквернить великолепие дня отборной бранью. Видя вмиг раздражённого хозяина, я догадывался:

лучше не сопротивляться. Он мстил ядовитыми речами на самом деле не мне, а тому, что с ним сделало общество, упрекал тех, кто волей-неволей не принимал его. Судорожно проглатывая слюну и прося вымученно равнодушным тоном быть осторожней, я терпеливо отдавался власти сильного и наглого...

Далеко не все бездомные «косили» под бомжей. Встречались и настоящие, заскорузлые бродяги, которые не могли нигде «приклеиться», бродили от ночлежки до ночлежки, и каждый раз покидали новое место, чуть занималась багряная заря. С такими людьми было действительно интересно: они могли объяснить что угодно, не зная никакого языка, кроме родного. Они являлись какими-то особенными «учёными дервишами», пророками и шаманами своего бедствующего сословия. Карты городов и посёлков, а так же, что до сих пор осталось мне непонятным, – часы ритмов проживающего по пути их перемещения гостеприимного состоятельного человека, способного накормить и даже приютить, – они хранили в голове, точно компьютеризованная справочная.

Попадал я не только на пиры бедняков и на раздачу одежды «секонд хэнд», но случалось участвовать в разборках между бомжовских кланов. Бились нищие группа на группу. Никаких ножей, только кулаки. Впрочем, у каждой банды – свои правила и многие стремились скорее одолеть противника. Победителю доставалась территория и вольности-богатства, связанные с ней. И слуги-подмастерья, и разносчики новостей, так называемые «спайз», и какие-то роли «неприкасаемых» – всем этим владел вожак клана победителей – «Король улиц».

Однажды я оказался на чужой территории и меня не поделили двое бездомных (конечно, моего желания никто не спрашивал, ибо я, слабый парень). Первый заявил на меня права до восхода солнца, а второй – после. От таких хозяев я сбежал сразу: они дурно пахли, не соблюдали даже примитивных правил гигиены.

Безнадёжная надежда, безумия веков! Какие только образы и парадоксы не приходят на ум скитальцу! Готов поспорить, что бездомный расскажет о мире больше, чем это сумеет профессор, потому что первый – свободен и в мыслях, и суждениях, а второй – ограничен сухой тетрадной клеткой достоверных знаний.

До Калифорнии, тем временем, оставались считанные километры. Большую часть пути я прошёл пешком, «автостопом» проехал на фурах в компании с дальнобойщиками. Ориентировали меня без труда. Впрочем, водители имели карту Америки, и каждый третий знал, как можно попасть в любую часть страны, не имея в кармане ни гроша. «Десидемо жу ля дор се тип», так объяснил моё присутствие в кабине один приколист-экспедитор, когда нас тормознули на границе штата Калифорния. Полицейский от скуки, наверное, докопался до моей славянской физиономии и шутливо назвал меня «литл беггар». Первое слово – «маленький», я знал точно, второе, не уверен, но, кажется, «бродяга» или «попрошайка».

– Кеструа пурку! – с вежливой улыбкой нахамил я копу в ответ, сообразив, что тот не понимает французского аргю.

Постовой только улыбнулся и махнул рукой.

Грудь распирало от мощного напора воздуха из распахнутого настежь окна кабины. Фура мчалась быстро, я толком не слышал болтовню Тони Корвена – «каргокида», классного парня, который вёз меня почти день.

– Лет ми си! – заглядывал он в карту и шурился. – Ви а райт хиер... нау гоин ту би.

На большой скорости при открытых окнах мало что слышишь, поэтому я только кивал и улыбался, счастливый.

Я тоже, впрочем, не был молчуном: говорил много и оживлённо, ведь столько во мне накопело! И не каждый раз мне помогал бескорыстный водитель, сносно владеющий

хулиганским языком французской молодёжи. Я ему рассказал почти всю мою историю, начиная с Франции. Болтал без умолку, словно игрушечный робот. Казалось, славный парень Тони понимает каждое слово, на каком бы я ни говорил жаргоне.

– Дэ-эм, итс дак... – перебил он вдруг.

И вправду, изливая душу, я не заметил, как стемнело. Встречи с хорошими людьми превращали меня в болтуна – всегда ведь хочешь отплатить добрым отношением попутчику, подающему тебе руку.

Он включил свет в кабине и насторожился. Жестом попросил меня помолчать. Парень волновался, сильнее охватив баранку руля. Наверное, дальнобойщик не имел много опыта путешествия впотьмах. Мы проезжали понтонный мост. Настил скрипел и жалобно стонал под тяжёлыми колёсами фуры. Цепь, удерживающая его, непрерывно звенела, сжимая и растягивая звенья.

Остановившись на развилке, Тони пожелал мне удачи: наши пути расходились.

– Гудбай, фрэнд! – проговорил я вслед удаляющейся машине.

Я шёл целую ночь. Вела меня одна блаженная мысль. Здорово, что Тони не пожалел карту – я держал её в руке. И здорово помог фонарик Энджи, который она подарила перед самым уходом. Вскоре батарейки подсели, но и тусклый свет выручал. Я брёл упорно, увлекаемый бушевавшими в душе замыслами, своими и подруги Энджи. Увидев пристань, я почти побежал по крутому уклону. Тёмной точкой на карте была отмечена гостиница «Inn» – «Jolly Roger's tavern» («Таверна Весёлого Роджера»). Здание я так и не увидел – оно пропадало за дымкой утреннего тумана.

«Эх, Энджи, уличная пиратка Роджер!», – я расплакался с досады. Какая-то речушка отделяла от крестика на карте. Напротив тёмной костлявой вышки мобильной связи, на бесцветном, пепельном небе обозначала себя полная, но не яркая луна, не дававшая света. В тумане пропадало слабое, мутное зарево. В смятении чувств я неосторожно шагнул в воду и повалился. От растерянности и отчаяния я чуть не утонул по колена в воде: вдруг ничего не выйдет, вдруг я зря проделал этот долгий путь? Мысли замирали в жуткой угнетающей меланхолии. Поодаль, в тумане, на противоположной стороне послышался плеск воды, звонко били плиты отошедшего пароходика. Поднятые его колесом мелкие волны разбивались около меня о прутья тальника. В ярдах пятнадцати-двадцати среди тумана виднелся бледный нимб – это горел фонарь, висевший на столбике, на корме парохода. А чуть подалее, в расчистившейся мгле, уже светились окна «Таверны Весёлого Роджера». Незаметно появились люди на пристани с моей стороны. Один с велосипедом, другие с рюкзаками – и все шумно разговаривали, похохатывая. У меня – ни гроша в кармане, решительно нечем оплатить переправу. Переплыть – камнем ко дну! Настолько тело одолела слабость. Я немедленно встал из реки и, обтекая, двинулся к людям, издали ловя их взгляды, как будто это помогло бы мне прочитать их мысли. Денег с меня, как с «утопленника», не попросили, на борту ко мне не подошли.

Рассвет робко жался к мокрым от росы стёклам таверны. Заря разгоралась сильнее, краски окружающего мира беспрестанно менялись, туман плыл по воде завитками, ивовые листья блестели, как лакированные. Вокруг – никого. Стояла мертвецкая тишина. Переправившиеся люди исчезли, будто в другом измерении.

Повернув с тропы на террасу, я ускорил шаг, быстро достиг большого каменного дома, со всех сторон закрытого густыми шпалерами винограда. Чёрные гроздья, издававшие мягкий ягодный запах, тяжело свисали между узорами виноградных листьев. В кресле-качалке сидел пожилой человек в светло-оранжевой рубашке. По всей террасе разливался зелёный полусвет, от которого лицо старика казалось бледным. Я поприветствовал хозяина дома.

– Хай, бади! – поднял он жилистую руку.

Лицо его чеканное, морщинистое, обрамлённое седой бородкой, разгладилось, как только он увидел меня. Первые мгновения я пытался угадать смысл перемены в этом человеке, «ресепшенере» или обыкновенном госте. Вдруг это агент, поджидающий меня? Удостовериться в своей догадке – означало погибнуть. Но потом, когда убедился, что он ничего не замышляет, просто пытливо смотрит на меня из-под густых бровей, я назвал фамилию Локсли.

– Ра-айт, ай ремембер зэт, – кивнул старик, добродушно улыбнувшись.

Ещё мгновение назад Вселенная замирала, грозя отравиться гневом, разрушиться от внезапной атомной катастрофы, но сейчас она вспыхнула яркими звёздами и пёстрыми красками обетованных планет.

Я прошёл за ним торопливо, стгорая от нетерпения, по скрипящим половицам. Он посмотрел в журнал и спросил номер брони. Ошалелый, наверное, словно кот с отдаленным хвостом, я произнёс шестизначное число, заикаясь. Получив карточку с брелком, я, чертовски радуясь, рванул на лестницу.

– Вэйт, вэй! – пытался о чём-то предупредить «ресепшенер», но я не остановился.

– «*Орие, орие, орие, орие!*» – повторял я неистово, перескакивая через две ступеньки. Моя радость бурно прорывалась наружу, в голове пронеслись табуны мыслей.

Просунув карточку в электронный замок я услышал, как дверь пикинула. Дёрнув за ручку, робко с недоверием вошёл, осматривая помещение. Наверное, от запаха новизны засвербело в носу, показалось, если чихну, то мираж растворится, и я снова окажусь на улице в притоне среди нищеты. Чихнул. Два раза и громко. Комната не исчезла. Её необъятность вызывала у меня благоговейный восторг. Кровать была заправлена красиво и так идеально правильно, что у меня слёзы на глаза навернулись. Обойдя кровать вдоль и поперёк, я поглядел в окно, замирая, из него открывался великолепный вид на реку, на паром, на рошу.

Радость прошла мгновенно, стоило мне подумать, что Энджи не пришла. Может, что случилось с ней в дороге? Нахлынули усталость и меланхолия. Как был я одет, так и упал на кровать, пытаюсь найти во сне броню от внешнего изнурительного мира. И, едва ощутив мягкость подушки, провалился в прохладную, освежаемую кондиционером темноту. Сон мне снился дурацкий. Про Энджи. Какие-то доктора мою подругу раздели, долго дотошно изучали как невиданную зверушку. Сначала поместили внутрь какого-то вакуума, где она задыхалась, а потом дали пистолет и приказали выстрелить несколько раз прямо в висок. Стрелялась, впрочем, не она одна. В помещении, похожем на яхт-клуб, – там на стенах висели штурвалы, тельняшки, якоря, спасательные круги и чучела рыб, – абсолютно все люди брали оружие и приставляли дула к вискам соседа. Они ждали команды – загорающейся лампочки на потолке, а за ними с диким интересом со второго этажа наблюдали зрители. Лампочка загоралась – оружие выстреливало. Часть людей падали замертво, их оттаскивали в неизвестном направлении, а живые крутили барабаны револьверов и готовились снова стрелять. Стреляли те, кому нечего было терять: больные неизлечимо, потерявшие веру, бездомные и ещё фанаты-экстремалы – эти оделись в парадные костюмы, на спинах и плечах поблёскивали золотистые значки. Победителей, троих счастливиц, – ожидал миллион долларов. Увлёкшись мутными подробностями, я опомнился и вновь поискал друга, но Энджи там не было. Наверное, она отстрелялась и мчалась домой? А может, нет, покоилась золой в земле? Нет, это меня, оказывается, связали, бросив наблюдать за происходящим через щели меж досками чердака. Я не мог пошевелиться, но кричать – сколько угодно. И вот я почувствовал, что ноги освободились от пут, и я мог ими даже выбить доску в стене – столько накипело во мне. Я дрыгнул ногой со всей рвущейся наружу силой, ударил сон ужаса. Задел что-то тёплое, гладкое, родное... Меня охватил необъяснимый трепет волнения: ведь доска, пусть и сгнившая, не

могла быть мягкой и родной? Распахнув глаза, я увидел ссутулившуюся Энджи. Она сидела на кровати у самых моих ног, в светло-сером спортивном костюме «Reebok». Явившийся из дрёмы, милый ангел смотрела на меня и улыбалась вымучено. Глаза её слезились, гладкое, пегое у подбородка лицо жалко сморщилось и сделалось страдальческим.

– Иди сюда, дурашка-Артиш! – простонала она, обнимая меня, крепко впиваясь пальцами в мои плечи. Я содрогался в её объятиях, бесшумно плача, смотрел в мокрые мутные глаза взглядом, вымаливающим прощение. Стеная, мы оба млели от взаимного восхищения, растроганные слезами и нежностью друг к другу.

– Что так долго? Почему? – спрашивал я, волнуясь.

Её влажные губы блуждали по моим щекам, волосам, потом Энджи начала целовать мои глаза, нос, скулы, уголок рта, нашла губы и прильнула к ним.

– Ты не изменял? – вдруг бросила она, оттолкнув меня. Сейчас её хитрые глаза заулыбались. – Кому ты отдавался, чтобы выжить? Кому служил, «поросёнок»?

Она специально осквернила дружбу нечистыми подозрениями, чтобы зарядиться новой эмоцией и наказать. Эн пыталась стряхнуть с себя всё, что ложилось на сознание давящим грузом. Уязвлённый пренебрежением покровительницы я сознавал: трудно было оставаться честным в нынешнем обществе, изнемогающим от нужды и притворства. Я признался, смиренно попросив прощения.

– Ах ты – маленький мерзавец! – воскликнула она сердито. С явной иронией, с задором, подруга продолжал кричать.

– Живо в душевую и сюда! Не могу на тебя смотреть, на грязного!

Убежав в душевую, я с восторгом понимал: в этом океане странствия, где бездомные путешественники кружили без компаса, Я да Энджи – были друг для друга верным оплотом, привычным и надёжным берегом, куда иным, тоже со слезами и желаниями, путь закрыт. Ненависти ни во мне, ни в Энджи не осело ни на грамм, значит, ОНИ – мир и лишения – нас не изменили! Слово толстой стальной защитой прикрывали таких как мы, изнурительная воля к жизни, да прирождённая сила грёз.

За этот короткий, казалось бы, срок, Энджи поседела и похудела. Стали серыми её виски, а живот провалился больше.

Я не спрашивал у подруги, как ей удалось обзавестись кругленькой суммой, которая решила множество наших проблем. Она бы и не ответила – я чувствовал это какими-то фибрами души. Нахмурилась и перевела бы тему. Бог с ней! Но в минуту неожиданного философского настроения я попытался узнать, куда пропала Марра, «кукла» Аррамова.

– Лучше не знать, Артиш, поверь, – покачала головой Эн.

Признаться, Марра меня интересовала мало, но я не мог не думать о том, что случилось тогда, когда мы надолго расстались. Меня долго не покидал вопрос:

– А что если бы?

В «Таверне Весёлого Роджера» мы, ха-а, классно – провели несколько недель! Заселиться в хорошую гостиницу хоть на несколько дней – вот была одна из грёз Энджи. Но мы-то снова, ха-а, затусили сразу четыре славных недели! Шведский стол, развлечения... Ух, как я мечтал гонять бильярдные шары или играть в боулинг! А ночью, под стрекотание цикад или звуки дождя, нас мучила прекрасная бессонница. Тогда мы с Энджи болтали ни о чём, хохоча, смотрели телевизор или видео. Но чаще она придумывала игры: мы брали карты, победитель загадывал желание, а проигравший – его исполнял. Бывало, от безделья носились друг за другом по коридорам, украшенным картинами да поделками из разной всячины на пиратский манер. Ни дежурный

администратор, ни охрана, ни горничные, – миленькие мексиканки, аж выучившие наши имена, не сердились на нас. «Райское время» назвал я этот месяц втайне, которой сразу и поделился с подругой. Она хранила тоже тайну. Точнее она сама хранилась в сумке, с ней Энджи почти не расставалась. Взяла с меня зарок никогда не смотреть внутрь. В этот раз я исполнил обещание, не как однажды с той запиской... По-моему, её тогда прочитал раньше назначенного срока, хотя я не хотел об этом думать и, вообще, с Энджи не думалось о чём-то тревожном.

– Приятель, к нам гость едет, – сообщила Эн загадочно. – Не скажу, кто. Пару дней проведёт по соседству, а потом – двинет по делу.

И каково было моё удивление, когда я увидел Говарда Крама в строгом замшевом костюме, с брошкой, золотистой, ближе к правому плечу! Его глаза теперь смотрели мечтательно, что странно противоречило репутации сурового расчётливого «начальника бомжей». В Калифорнию он приехал отдохнуть, сказал, что немного устал от нездорового интереса французской полиции и бродяжьей вони. Это был совсем другой человек. Через три дня он отбывал в путешествие по США, а в пиратскую таверну заглянул повидать нас, счастливиц. Говард и Энджи приятельски болтали за чашкой чая, а я – больше слушал и хохотал. Мы брали напрокат велосипеды и катались в парке, рыбачили, по крайней мере, пытались, жарили барбекю и гуляли по Лос-Анджелесу, ночному, очень красивому, подсвеченному разноцветными неоновыми огнями.

Дядюшка Говард уехал, но пообещал непременно навестить нас через год. Ещё дал номера телефонов людей, которые помогут сделать «ай-дишники» – документы. Мы перебрались в апартаменты на северную, относительно тихую окраину Города Ангелов. Квартиру за небольшие «мани» сдавал знакомый Крама. Заселившись, мы с Энджи купили «дивидюшник» и взяли напрокат гору дисков. Оставалось дожидаться вызова по мобильнику и чётких инструкций, а потом найти работу и остепениться, как обычно советуют бродягам добропорядочные граждане, стирающие собственную одежду в машинках.

Со дня на день должен был отзвониться мистер Стрэйт и *сориентировать*. А пока мы с Энджи взяли несколько литров кока-колы да всякой вкуснотищи и приготовились смотреть отличные видео.

– «О-ри-е! Чудеса! О-ри-ё! В небесах!...». – раздалось из телевизора по-русски, и на экране появился маневрирующий в непогоду коричнево-жёлтый самолёт, которым управлял медведь.

– Так ты неправильно пела, Эн! – упрекнул я шутливо. – Ах ты, проныра этакая!

– Пела, как хотела! – вскинув голову, Энджи расхохоталась и потрепала меня за шею, как пёсика. Её глаза горели неистовым огнём, а я понимал, что счастлив невероятно.

С великим удовольствием мы смотрели «Чудеса на виражах» и тянули «напиток богов», закусывая поп-корном и конфетами. Слушали одну и ту же песню:

«О-ри-е! Чудеса!
О-ри-ё! В небесах!
Радость пусть, и пусть беда –
Дружба наша навсегда!
О-ри-е! Чудеса!
О-ри-ё! В небесах!
Мы взмываем в высоту,
Приключения нас ждут!
От винта!
.....

У нас были планы на будущее, ой какие важные! Энджи мощно обнадёжила, рассказав о нашей работе на пастыря из модной христианской и сейчас международной церкви, её название она не упомянула, но телом торговать было не нужно однозначно. Преподобному Хесидеку понадобились юридивые, их он увидел в нас, лишь взглянув на фотографии. Объяснять ничего и никому не следовало – больше слушать и улыбаться, выполняя инструкции.

– Что делать, Эн? – меня передёрнуло. – Бр-р-р, вдруг Хесиден...

– Преподобный Хесидек или пастырь... понял, Артиш? – рассердилась она неожиданно. – Порядок в церкви строгий – как в армии. Одно не правильное движение и –

...

Я побледнел, это точно. Ощутил головокружение.

– Что ты трусливый до сих пор? – покачала она головой, прикусив нижнюю губу. Погладила меня по голове. – В одиночку преодолел пол Америки, а не можешь перекладывать бумажки с места на место, носить чемодан и раздавать программки. Им нужны такие... Бедные, чудные и малограмотные. Сорить деньгами, Крам сказал, новым церквям не пристало, а подобрать нуждающихся – дело благородное, милосердие Христово... Мы должны быть благодарными. Глядишь, помогут будут. Кормить, одевать. Хуже не станет, поверь, Арт. Язык подучим.

Я надеялся, что работать на пастыря – не убирать экскременты из-под калек в ночлежках при монастырях или храмах. И надежда меня согревала, как чашка горячего шоколада, который мы с Энджи пили едва ли не каждый вечер.

Французское аргю:

Амерлоки, риканы – американцы;
Артиш – кошелёк;
Аффюр – заработок;
Бамбула – негр, плясун под тамтамы;
Бико – расистское название арабов;
Бунюл – оскорбительное: «чёрный» - про араба или негра;
Даб – папа, отец;
Кики – 1)горло; 2)писька мальчика;
Кэсёр – хулиган;
Мандрэ – член;
Мармита – шлюха, работающая на сутенёра;
Маррант! – Прикольно!
Марто – чокнутая;
Маршёза – уличная проститутка;
Нуа – жопа;
Нуж – пенис;
Нэнес – сиськи;
Партуз – групповуха;
Пипёз – минетчик;
Травело – трансвестит.
Турнэт – групповое изнасилование;
Шарклю – бомж;

«Щипать кресс-салат» – кунилингус;

- Бонне шансе! – Удачи!
- Десидемо жю ля дор се тип! – Мне, определённо, нравится этот чувак!
- Кеструа пурку! – Отъебись, пиздюк!
- Лес моф, жё вус кииф! – Тёлка, я от тебя кайфую!
- Мор де риер! – Ржу, не могу!
- Юн оказьён де буявё, са не се рефюс па! – Нельзя отказаться от возможности поебаться.

Латынь:

- Кетте белле вианде! - Какое прекрасное мясо! (о шлюхах)

Японский:

Осуко – маленький самец.